93
-Ц 687
-39-
ксерокопия

№ 39. Цѣна 10

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

W 521/193
U 79/617
U 93

Великій расколъ.

П. Бунина.

Книгоиздательство „Дѣло"
МОСКВА

Книгоиздательство „ДѢЛО“.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ИЗДАНІЕ

„ВЕЛИКАЯ РОССІЯ“

СТРАНА И НАСЕЛЕНІЕ

географическіе, этнографическіе и культурно-бытовые очерки современной Россіи.

подъ общимъ руководствомъ профессора Д. Н. АНУЧИНА.

При участіи прив.-доц. Н. В. Богоявленскаго, А. А. Борзова, И. Н. Бороздина, прив-доц. П. М. Головачева, прив-доц. С. Г. Григорьева, Б. П. фонъ-Дитмара, прив.-доц. Б. М. Житкова, С. А. Королева, Ф. С. Красильникова, прив-доц. А. И. Колмогорова, прив.-доц. А. А. Крубера, В. П. Налимова, С. В. Покровскаго, В. Ф. Піотровскаго, Л. Д. Синицкаго. Д. И. Тимковскаго, Д. Т. Яновича и другихъ.

Въ цѣломъ „ВЕЛИКАЯ РОССІЯ“ будетъ состоять изъ 12 томовъ, которые будутъ заключать въ общей сложности около 3500 страницъ большого формата. Изданіе будетъ напечатано на плотной бумагѣ, изготовленной по спеціальному заказу краснвымъ четкимъ шрифтомъ, и будетъ богато иллюстрировано художественно выполненными видами, типами и сценами изъ жизни различныхъ народностей Россіи. Все изданіе будетъ содержать около 1200 иллюстрацій. Каждый томъ будетъ заключенъ въ плотную обложку художественно исполненную въ краскахъ.

Все изданіе будетъ выпущено въ продолженіе одного года, по одному тому ежемѣсячно.

Цѣна всего изданія: 12 томовъ—31 руб. съ пересылкой во всѣ города Россіи.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

при подпискѣ уплачивается—2 р. 50 к. при полученіи каждаго изъ послѣдующихъ II томовъ по 2 р. 50 к., при полученіи послѣдняго двѣнадцатаго тома одинъ рубль.

Вышли тома:

„СИБИРЬ“, „ПОВОЛЖЬЕ и ПРИУРАЛЬЕ“.

Цѣна отдѣльнаго тома съ пересылкой -3 руб.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ДѢЛО“

Москва, Остоженка, 2-й Ильинскій пер. 13.

№ 39. ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА. № 39.

W 527/193 И 79/617 801.86 16496.6 Ч 93/687

НИКОНЪ

великій расколъ.

П. Бунина.

Москва.
Книгоиздательство „ДѢЛО“.
1912 г.

2007052068

Государственная
ордена Ленина
библиотека СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

XII-25178

МОСКВА.
Типо-Лит. «ТРУДЪ», Газетн. пер., 6. Тел. 322-90.
1912 г.

Никонъ и великій расколъ.

I.

Первые шаги.

Солнце уже склонялось къ западу, съ Волги подулъ свѣжій вѣтерокъ. Была суббота и въ Макарьевскомъ монастырѣ шла всеночная. Среди молящихся въ углу храма стоялъ двѣнадцати-лѣтній мальчикъ. Онъ былъ плохо одѣтъ, и при большемъ для своихъ лѣтъ ростѣ, очень худъ. Мальчикъ усердно молился, клалъ истово поклоны. Когда всеночная кончилась и монахи стали ту-
[illegible] свѣчи, мальчикъ подошелъ къ выходившему
[illegible] алтаря священнику о. Арсенію и попросилъ
[illegible]ѣшенія остаться въ монастырѣ.

— Переночевать тебѣ негдѣ? спросилъ свя-
[illegible]ник.

— Нѣтъ, я хочу совсѣмъ остаться, отвѣтилъ
[illegible]ник.

— Совсѣмъ? удивился священникъ, да ты

— Я изъ села Вельдеманова.

— Почему же ты изъ дома ушелъ?

— Такъ, захотѣлъ въ монастырь поступить.

Я буду помогать въ монастырѣ, я грамоту знаю и службу немного знаю, продолжалъ мальчикъ.

Священникъ заинтересовался мальчикомъ, его умные отвѣты понравились ему.

— Ну вотъ что, пойдемъ ко мнѣ, поговоримъ, а тамъ видно будетъ.

Священникъ велѣлъ напоить и покормить гостя; и когда тотъ немного оправился, о. Арсеній сталъ подробно распрашивать его о его жизни.

Изъ разсказа мальчика о. Арсеній узналъ слѣдующее.

Мальчикъ оказался сыномъ вельдемановскаго крестьянина, по прозвищу Мина; зовутъ его Никитой. Рано онъ лишился матери и отецъ женился на крестьянкѣ той же деревни, которая привела въ домъ своихъ дѣтей отъ перваго мужа. Мачеха не взлюбила Никиту и всякими способами старалась выказать ему свое нерасположеніе.

Тяжелые дни начались для Никиты. Отецъ былъ бѣденъ, и Никитѣ не разъ приходилось голодать. Мачеха часто его била и мальчикъ ходилъ голодный и оборванный.

Преслѣдованія мачехи иногда доходили даже до того, что угрожали жизни ребенка. Такъ однажды, разсказалъ Никита, съ голоду онъ залѣзъ въ подполье, чтобы тамъ хоть тихонько отъ мачехи достать что нибудь и утолить голодъ. Не поспѣлъ онъ вылѣзть изъ подполья, какъ явилась мачеха. Увидя Никиту, вылѣзавшаго изъ подполья, она такъ ударила его полѣномъ по

спинѣ, что мальчикъ безъ чувствъ свалился по лѣстницѣ въ низъ и долгое время лежалъ безъ памяти.

Другой разъ, когда Никита зимой, чтобы согрѣться отъ холода, залѣзъ въ печь и заснулъ тамъ, мачеха наложила дровъ въ печку, зажгла ее, а сама ушла; задыхаясь отъ дыма и жары мальчикъ проснулся и сталъ кричать. На крикъ прибѣжала сосѣдка и спасла Никиту.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что Никита не любилъ бывать дома. Лѣтомъ онъ обыкновенно бродилъ одинъ по полямъ и лѣсамъ. Во время этихъ прогулокъ онъ познакомился съ дѣвочкой Настей, дочерью священника о. Ивана изъ с. Колычева. Она зазвала его къ себѣ въ домъ и познакомила съ отцомъ. О. Иванъ былъ человѣкъ мягкій, гуманный и образованный. Ему понравился мальчикъ и онъ принялъ въ немъ участіе. Послѣ этого Никита сталъ часто бывать въ домѣ священника. Здѣсь все такъ было не похоже на его родной домъ! Онъ окруженъ былъ любовью и вниманіемъ, такъ что невольно отдыхалъ отъ той ругани и побоевъ, которыя ему приходилось встрѣчать дома. Скоро Никита проявилъ большой интересъ къ ученью.

Священникъ, замѣтившій необыкновенныя способности мальчика, охотно согласился его учить.

Съ этой цѣлью, однажды о. Иванъ пришелъ къ отцу Никиты и сказалъ ему.

— Отдай мнѣ сына въ ученье, полюбился онъ мнѣ.

А у тебя ему жить трудно, не любитъ его мачеха.

— Куда тебѣ его о. Иванъ, вѣдь у тебя есть свои дочка, да сынъ, трудно тебѣ будетъ съ тремя то! попробовалъ было возражать отецъ Никиты.

— Объ этомъ ты не безпокойся, отвѣтилъ священникъ, для всѣхъ мѣсто найдется.

Отецъ не долго колебался и отдалъ о. Ивану Никиту.

Для Никиты началась новая жизнь. Ученье быстро шло впередъ. О. Иванъ поражался успѣхомъ ученика и охотно съ нимъ занимался. Такъ пробылъ Никита въ домѣ о. Ивана три года. Привязался онъ къ семьѣ священника, впервые почувствовалъ здѣсь на себѣ хорошее, человѣческое отношеніе добрыхъ людей.

Черезъ три года приходитъ къ священнику отецъ Никиты и говоритъ:

— Хочу взять у тебя, о. Иванъ, сынишку!

— Зачѣмъ, онъ еще не закончилъ ученья, отвѣтилъ священникъ.

— Для насъ крестьянъ бо́льшого ученья и не нужно. А онъ мнѣ будетъ по́могать въ работѣ.

О. Иванъ сталъ уговаривать Мина оставить Никиту еще на годъ, но тотъ упрямо стоялъ на своемъ.

Тяжело было Никитѣ разставаться съ семьей о. Ивана. Онъ зналъ, что его ждетъ впереди опять борьба съ мачехой, битье, голодная жизнь.

Но дѣлать было нечего, пришлось подчиниться отцу.

Вернулся онъ домой, но не долго тамъ прожилъ. Ссоры съ мачехой стали еще упорнѣе, такъ какъ Никита, привыкшій въ домѣ о. Ивана къ самостоятельности, пересталъ безропотно сносить нападки матери и энергично защищался.

Еще тяжелѣе стало ему жить въ домѣ отца. Чаще и чаще онъ сталъ уединяться и мысль его настойчиво работала. Но теперь у него было уже нѣкоторое развитіе, знаніе. Его мысль получила опредѣленное направленіе.

Онъ вспоминалъ прочитанныя имъ житія святыхъ и образы отшельниковъ, угодниковъ Божіихъ стояли передъ нимъ, какъ живые монастырская жизнь стала манить его къ себѣ своей тишиной, возможностью осуществить тотъ аскетическій идеалъ, который выработался у него подъ вліяніемъ чтенія.

Послѣ долгихъ размышленій надъ своей жизнью, онъ рѣшилъ уйти въ монастырь. Доставъ тайкомъ у отца немного денегъ, онъ ушелъ изъ дома, отправился на сѣверъ и пришелъ въ Макарьевъ-Желтоводскій монастырь.

Такова была исторія жизни Никиты. О. Арсеній отнесся съ полнымъ сочувствіемъ къ мальчику. Онъ оставилъ его въ монастырѣ и сталъ съ нимъ заниматься. Арсеній былъ по тому времени человѣкъ образованный и Никита многому могъ у него научиться.

Полюбился онъ и монахамъ, всѣ они къ нему

относились внимательно и любовно. И Никита платилъ имъ тѣмъ же: помогалъ имъ въ работѣ, исполнялъ различныя ихъ порученія.

Однажды произошелъ случай, который произвелъ сильное впечатлѣніе на мальчика и на всю жизнь остался у него въ памяти. Гулялъ Никита вмѣстѣ съ монахами по окрестностямъ монастыря. Кругомъ были дремучіе лѣса.

— Знаете, что? сказалъ одинъ изъ монаховъ, здѣсь недалеко въ лѣсу живетъ колдунъ, мордвинъ. Пойдемте, посмотримъ на него, какъ онъ живетъ.

Предложеніе всѣхъ заинтересовало.

— Страшно идти-то, замѣтилъ одинъ.

— Чего боятся, не съѣстъ! ободрили тѣ, кто былъ посмѣлѣе.

Пошли. Пошелъ съ ними и Никита. Сильно билось его сердце, когда они вошли въ чащу лѣса. Пройдя довольно долго, они наткнулись на небольшую избушку. Избушка была вѣтхая, старая, покосившаяся на одинъ бокъ. Около избушки сидѣлъ старикъ, что-то строгалъ топоромъ.

— Здорово, дѣдушка! сказали монахи.

— Здорово, отвѣчалъ старикъ. Вы что пришли?..

— Да, такъ ничего. Ходили по лѣсу, видимъ избушка, ну и забрѣли.

— А это кто съ вами? спросилъ колдунъ, указывая на Никиту.

— А это у насъ въ монастырѣ живетъ въ послушникахъ.

Старикъ долго внимательно всматривался въ мальчика. Умное живое лицо его заинтересовало старика. Вдругъ онъ неожиданно поднялся, подошелъ къ мальчику и, глядя на него въ упоръ, спросилъ его:

— Какого ты рода.

— Я изъ простыхъ, отвѣтилъ немного испугавшійся Никита.

Тогда колдунъ поднялъ глаза къ небу, вдохновенно и увѣренно сказалъ ему.

— Ты будешь великимъ государемъ надъ царствомъ россійскимъ!..

Всѣ были удивлены такому пророчеству. Но всѣхъ больше оно поразило Никиту. Нѣсколько дней послѣ этого онъ ходилъ задумчивый. Одинокій сидѣлъ онъ на берегу Волги и все думалъ.

— Что значатъ слова колдуна?

Шелъ уже пятый годъ пребыванія Никиты въ монастырѣ.

Изъ худощаваго мальчика Никита превратился въ высокаго, краснваго, богатырскаго тѣлосложенія юношу. Сталъ развитымъ и образованнымъ по тому времени человѣкомъ. Никита вполнѣ свыкся съ монастырской жизнью и забылъ уже о жизни въ семьѣ. Только иногда онъ вспоминалъ о. Ивана, и въ особенности его дочку Настю.

— Большая, навѣрное, ужь стала! думалъ Никита. И когда онъ вспоминалъ о ней, становилось какъ-то неспокойно на душѣ.

Однажды, когда Никита выходилъ послѣ обѣдни изъ церкви, его кто-то окликнулъ.

— Здравствуй, Никита!

Никита обернулся и увидѣлъ стоявшаго недалеко мужика.

— Что, не узнаешь? продолжалъ тотъ. Я изъ села Вельдеманова, сосѣдъ твоего отца.

Никита узналъ его. Оказывается вельдеманскій крестьянинъ приѣхалъ на богомолье. Сообщилъ онъ Никитѣ, что отецъ его сталъ уже старъ, мачеха умерла, а теперь при смерти лежитъ его бабушка, которая хотѣла бы видѣть передъ смертью Никиту, да и отецъ проситъ Никиту вернуться.

Задумался Никита. Долго бродилъ обдумывая, не зналъ на что рѣшиться. Потомъ въ смущеніи пошелъ за совѣтомъ къ о. Арсенію.

— Мой совѣтъ тебѣ,— иди. Нужно послушать отца, умретъ, не увидишь. Въ монастырь всегда успѣешь вернуться, ты молодъ!..

Никита послушался, собралъ свои пожитки, кое-какія книги, которыя онъ пріобрѣлъ въ монастырѣ, и пошелъ домой.

Сильно билось сердце Никиты, когда онъ подходилъ къ родному селу. Съ каждымъ деревомъ, съ каждой лужайкой было много связано воспоминаній. Отецъ принялъ Никиту ласково, но скоро по возвращеніи сына сталъ хворать и умеръ. По прежнему лучшими друзьями его была семья о. Ивана. Самъ о. Иванъ уже постарѣлъ, хотя и старался быть бодрымъ. Зато дочка его Настя

стала умной и красивой дѣвушкой. Въ большомъ волненіи встрѣтился съ ней Никита. Никита чувствовалъ, что не прежняя дѣтская дружба волнуетъ его, а какое-то другое чувство властно заговорило въ немъ.

Не долго думалъ Никита и предложилъ Настѣ выйти за него замужъ. Та тоже полюбила Никиту и охотно дала согласіе.

Никита женился и сталъ хозяйствовать. Но крестьянскій трудъ не привлекалъ его: ежедневныя хозяйственныя заботы мало давали пищи душѣ. Онъ рѣшилъ сдѣлаться священникомъ. Тесть въ виду преклоннаго возраста согласился уступить ему свой приходъ. Послѣ нѣкоторыхъ хлопотъ, въ 1625 году на двадцатомъ году жизни, Никита сдѣлался священникомъ. Съ большимъ волненіемъ принялъ священство Никита. Какъ человѣкъ глубоко религіозный, онъ очень серьезно смотрѣлъ на свои обязанности священника и былъ очень огорченъ, когда натолкнулся на полный индифферентизмъ къ церкви его поствы. Во время богослуженія въ церкви не было никакого порядка. Обыкновенно, онъ читалъ одно, дьяконъ другое, дьячекъ третье.

Никто изъ молящихся ничего не понималъ. Въ церкви громко разговаривали, даже неприлично ругались. Никита прежде всего замѣнилъ многогласіе единогласіемъ. Служба удлинилась, но зато всякій могъ понять, что дѣлается въ церкви. Это сразу вызвало неудовольствіе прихожанъ: стали роптать, что служба идетъ долго.

Послѣ одного такого столкновенія съ прихожанами о. Никита пришелъ къ о. Ивану и сталъ ему жаловаться на тяжелое положеніе священника.

— Ничего не падай духомъ, говорилъ ему о. Иванъ, привыкнутъ, самимъ же потомъ будетъ нравиться. Все отъ невѣжества. Да и мы сами отчасти въ этомъ виноваты, не пріучаемъ прихожанъ къ боголѣпію церковной службы. Я еще старался по мѣрѣ силъ. А что дѣлаютъ другіе? Однажды я зашелъ въ церковь въ одномъ селѣ, смотрю попъ служитъ святую литургію безъ служебника, и только говоритъ одни возгласы.

Я потомъ спрашиваю его, зачѣмъ это онъ такъ дѣлаетъ? А онъ мнѣ отвѣчаетъ:

— Я уже прочелъ служебныя молитвы на дому, я такъ научился отъ старыхъ поповъ!

А пьянство, какъ развито! На другой день послѣ пьянства, еще не протрезвившись, попы совершаютъ литургію, сквернословятъ въ алтарѣ, бранятся матерно! Послѣ праздниковъ часто не бываетъ службы, потому что попъ пьянъ. Гдѣ же тутъ можетъ быть уваженіе къ храму Божью?..

Сильно задумался Никита надъ словами о. Ивана, больно было ему слышать, что такъ унижается достоинство священника и рѣшилъ онъ своей нравственной жизнью показать всѣмъ окружающимъ, какъ слѣдуетъ жить по Божьему.

Скоро молва объ необыкновенномъ священникѣ стала распространяться по окрестнымъ деревнямъ.

Въ особенности любили слушать проповѣди о Никиты.

Молва о немъ дошла до Нижняго-Новгорода. Заинтересовались имъ даже Московскіе купцы, пріѣхавшіе на Макарьевскую ярмарку. Среди нихъ въ особенности полюбилъ о. Никиту, Нефедъ Кузьмичъ Мининъ Сухорукъ, сынъ Кузьмы Минина.

— Слушай о. Никита, сказалъ ему однажды Нефедъ Кузьмичъ, когда о. Никита зашелъ къ нему въ домъ, будучи по дѣламъ въ Н.-Новгородѣ. Недавно разговоръ здѣсь былъ о тебѣ. Рѣшили мы т.-е. я и еще нѣсколько московскихъ купцовъ предложить тебѣ переѣхать на житье въ Моску. Понравился ты нашимъ купцамъ.

Задумался о. Никита. Жалко что-то стало ему насиженнаго мѣста, а съ другой стороны предложеніе было заманчивое, когда попадешь въ Москву?

— Трудно выхлопотать переводъ въ Москву, отвѣтилъ въ раздумьѣ о. Никита.

— Объ этомъ ты не безпокойся, отвѣтилъ Нефедъ Кузьмичъ, все будетъ устроено. Поѣзжай домой, поговори съ попадьей и извѣсти меня о своемъ рѣшеніи.

Не долго думалъ о. Никита и далъ свое согласіе.

Такъ началъ свою дѣятельность будущій патріархъ Никонъ.

II.

Въ Москвѣ.

Былъ конецъ февраля. Въ воздухѣ начало уже пахнуть весной, хотя снѣгу было много. Къ Москвѣ подъѣзжала повозка, запряженная парой бойкихъ лошадей. Въ повозкѣ кромѣ кучера сидѣли молодой священникъ и молодая женщина. Это былъ о. Никита съ женой.

— Вотъ тебѣ и Москва! сказалъ священникъ. Женщина съ большимъ интересомъ разглядывала раскрывавшійся передъ ней городъ. Солнечные лучи весело играли на куполахъ церквей, на крышахъ домовъ. Кругомъ суетились люди. Все это занимало попадью. Вспоминала она свою деревушку и какое то безпокойство охватило ее.

— А страшно что-то здѣсь, все чужіе люди.

— Чего же страшно? Люди здѣсь такіе же какъ и у насъ, не нуждаются! — отвѣтилъ о. Никита.

— Ничего, поживешь, попривыкнешь, прибавилъ онъ помолчавъ.

Проѣхавъ нѣсколько улицъ, повозка остановилась около дома Мининна Сухорукаго. Постучали въ ворота.

— Кто тутъ? раздался со двора голосъ.

— Скажи, что пріѣхалъ о. Никита изъ Нижняго, отвѣтилъ священникъ.

Скоро ворота отворились и на крыльцѣ показался самъ хозяинъ.

— Благополучно ли добрались? Спрашивалъ хозяинъ, здороваясь съ пріѣхавшими.

— Ничего, благополучно, отвѣтилъ о. Никита, вотъ только матушка немного порастряслась.

За самоваромъ Нефедъ Кузьмичъ разсказывалъ пріѣхавшимъ о послѣдней женитьбѣ царя Михаила Феодоровича на Долгоруковой, о томъ какъ недовольны этой женитьбой мать царя, инокиня Марфа, и какая борьба сейчасъ идетъ при дворѣ между отдѣльными боярскими родами.

Странно все это было слышать провинціальному священнику, привыкшему идеализировать царскую жизнь и въ тяжеломъ раздумьѣ заснулъ онъ въ эту ночь.

Черезъ нѣсколько дней о. Никита переѣхалъ въ церковный домъ своего прихода и энергично принялся вводить у себя въ церкви новые порядки. Первымъ дѣломъ и здѣсь онъ уничтожилъ многогласіе. Заботился о торжественности богослуженія и строго преслѣдовалъ всякіе разговоры въ церкви и нарушеніе порядка во время службы. Но что особенно поразило прихожанъ, это произносимыя Никитой проповѣди. Москва давно не слышала проповѣдей, и москвичи отвыкли отъ нихъ. Когда Никита ввелъ въ обычай каждое воскресенье произносить проповѣди,— это было пріятнымъ нововведеніемъ. Народъ толпами приходилъ въ церковь чтобы послушать необыкновеннаго проповѣдника. Однако новшества, заведенныя о. Никитой, породили ему и враговъ. Невѣжественные священники стали протестовать противъ нововведеній.

— Заводите вы, хапжи, ересь новую, единогласное пѣніе и людей въ церкви учите, упрекали противники нововведенія о. Никиту и его сторонниковъ; а мы прежде въ церкви людей не учивали, а учили ихъ въ тайнѣ. Бѣса вы имаете въ себѣ; всѣ вы хапжи!

Тяжела была для о. Никиты эта вражда его собратій, но онъ былъ не изъ такихъ, чтобы отступать передъ противниками: борьба только увеличивала его энергію.

Однажды спустя нѣсколько мѣсяцевъ по пріѣздѣ въ Москву, о. Никита зашелъ къ Нефеду Кузьмичу Сухорукову и засталъ его въ большомъ волненіи.

— Что стобой, Нефедъ Кузьмичъ? Случилось что нибудь?

— Да случилось, отвѣтилъ тотъ, первно ходя по комнатѣ.

— Что такое?

— Царица умираетъ.

— Умираетъ? Отчего?

— Очевидно, тоже самое, что и съ Хлоповой.

— Отравили? вскричалъ о. Никита.

— Тише, не кричи. Должно быть что такъ!

О. Никита хорошо зналъ исторію съ невѣстой царя Михаила, Хлоповой: ей подсыпали какого то зелья и, когда она заболѣла, объявили ее порченной. Хотя она осталась въ живыхъ, но ее сослали въ Тобольскъ, и только послѣ усиленныхъ хлопотъ разрѣшили жить въ Н.-Новгородѣ.

— Кто же это сдѣлалъ?

— Пока не извѣстно, но есть подозрѣніе.

— Боже, что у васъ тутъ дѣлается! бормоталъ онъ, схватившись за голову.

Въ большомъ смятеніи вышелъ о. Никита изъ дома Сухорукаго и мрачныя мысли одна за другой проносились въ его головѣ, душу давила тоска. Онъ быстро шелъ по улицѣ. Апрѣльское солнце весело блестѣло на крышахъ домовъ, снѣгъ почти стаялъ, только кое-гдѣ на задворкахъ подъ мусоромъ въ тѣни еще лежали цѣлые пласты. Было сыро и грязно. Но о. Никита, погруженный въ свои думы, не замѣчалъ ничего. Онъ шелъ и бормоталъ, какъ пьяный, себѣ подъ носъ. Прохожіе съ удивленіемъ смотрѣли вслѣдъ странному священнику.

Нѣсколько дней о. Никита ходилъ мрачный, ни съ кѣмъ почти не говорилъ.

Но несчастье не приходитъ одно. Скоро одинъ за другимъ умерли всѣ его дѣти. Смерть послѣдняго сына особенно поразила о. Никиту.

— За что это? съ тоской думалъ онъ, провожая на кладбище сына.

Съ тѣхъ поръ онъ почти совсѣмъ умолкъ. Охладѣлъ къ службѣ и уже не слышно было его проповѣди. Въ домѣ воцарилась какая-то мертвая тишина. Его жена тоже убитая горемъ ходила, какъ тѣнь, стараясь быть незамѣтной.

О. Никита не любилъ бывать теперь дома. Въ тоскѣ онъ бродилъ по улицамъ. Лунныя весенніе ночи, говорившія о счастьѣ любви, только

ще больше раздражали его и онъ приходилъ домой усталый и разбитый.

Однажды о. Никита пришелъ домой раньше обыкновеннаго, сѣлъ около жены и сказалъ ей:

— Настя, дольше такъ жить, нельзя.

Она молчала, вся сжалась, точно ожидая удара.

— Господь за грѣхи наши послалъ намъ наказаніе, продолжалъ о. Никита. Я маленькій далъ обѣдъ жить въ монастырѣ и мнѣ не нужно было уходить въ міръ... И вотъ я рѣшилъ...

—Что же ты рѣшилъ? Спросила его жена дрогнувшимъ голосомъ.

— Идти въ монастырь.

— А я то какъ же?

— И ты пойдешь въ монастырь!..

Это было такъ неожиданно, она совсѣмъ объ этомъ не думала. Она не знала, что отвѣтить, но въ глубинѣ души почувствовала протестъ. Эта весна, запахъ сирени и распустившейся зелени такъ манили къ радостной веселой жизни. И ей стало жалко себя, жалко своей молодости. Она тихо и горько заплакала.

О. Никита сѣлъ съ ней рядомъ, положилъ ее голову къ себѣ на колѣни и тихо гладилъ ее по волосамъ.

— Не плачь, Настя, такъ надо. Это будетъ лучше для насъ обоихъ.

Онъ долго говорилъ, почему это надо и почему будетъ лучше. Голосъ его былъ твердъ и спо-

косnъ. Она поняла, что судьба ея рѣшена и что сопротивляться напрасно...

Черезъ нѣсколько дней Настя стала монахиней Алексѣевскаго монастыря.

— А ты куда же теперь? Спросила она на прощанье Никиту.

— Пойду въ Соловки отвѣтилъ онъ.

Долго смотрѣла Настя въ слѣдъ ушедшему мужу. А онъ высокій и сильный быстро шагалъ по улицѣ, поклонился послѣдній разъ и завернулъ въ переулокъ...

III.

„Собиный" другъ царя.

Въ 1645 г. на Московскій престолъ вступилъ Алексѣй Михайловичъ. Ему было 16 лѣтъ, когда онъ сталъ главою громаднаго государства. Это былъ привлекательный юноша, бѣленькій, румяный, съ узкимъ лбомъ и крѣпкаго тѣлосложенія. Онъ былъ всегда жизнерадостенъ, любилъ посмѣяться и пошутить надъ придворными, но шутилъ всегда безобидно. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ очень религіозенъ. Правда эта была чисто обрядовая религіозность, но зато въ исполненіи обрядовъ онъ былъ непреклоненъ. Никто не могъ превзойти его въ соблюденіе постовъ. Такъ во время великаго поста онъ простаивалъ въ церкви часовъ по пяти и клалъ до тысячи поклоновъ. По понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ ѣлъ

ржаной хлѣбъ. Ходилъ каждый день въ церковь и считалъ великимъ грѣхомъ пропустить обѣдню. Однако эта обрядность не мѣшала ему во время богослуженія вмѣсто молитвы бесѣдовать съ боярами о разныхъ дѣлахъ. Обрядовая сторона въ религіи для него была всѣмъ. И онъ съ особенной любовью и съ особенной торжественностью исполнялъ всякіе обряды.

Въ домашней жизни Алексѣй Михайловичъ былъ очень умѣренъ: мало ѣлъ, мало спалъ, избѣгалъ всякихъ грѣховныхъ удовольствій.

Самъ онъ былъ слишкомъ молодъ, неопытенъ и наивенъ, поэтому всѣми дѣлами государства управлялъ его воспитатель боярин Морозовъ, управленіе котораго создало не мало тяжелыхъ минутъ для юнаго царя.

Въ 1647 году Алексѣй Михайловичъ задумалъ жениться. По обычаю того времени со всей Руси собрали до двухсотъ красавицъ. Изъ двухсотъ выбрали шесть самыхъ красивыхъ и представляли ихъ царю. Алексѣй Михайловичъ изъ нихъ выбралъ себѣ въ жены дочь Осдона Всеволжскаго. Этотъ выборъ былъ непріятенъ многимъ изъ приближенныхъ царя, въ особенности Морозову, который хотѣлъ выдать за Алексѣя одну изъ дочерей Милославскаго Марью, а на другой, Аннѣ, хотѣлъ жениться самъ. Въ результатѣ боярскихъ интригъ Всеволжская оказалась „испорченной“ и ее сослали вмѣстѣ съ родными въ Сибирь и только въ 1653 году разрѣшили ей переѣхать оттуда въ одну изъ деревень Васильевскаго

евскаго уѣзда. Царь женился на Марьѣ Милославской, а черезъ десять дней Морозовъ женился на ея сестрѣ..

Женитьба царя на Марьѣ Ильинишнѣ выдвинула на первый планъ семью Милославскихъ. Илья Даниловичъ Милославскій, будучи самъ человѣкъ незнатнаго происхожденія и небогатый, поспѣшилъ воспользоваться благопріятнымъ положеніемъ, чтобы поживиться. Въ особенности старались въ этомъ отношеніи родственники Милославскаго: судья земскаго приказа Леонтій Плещеевъ и завѣдывавшій пушкарскимъ приказомъ Трахіотовъ. Ихъ поборы и притѣсненія вызвали такое недовольство народа, что въ Москвѣ вспыхнулъ бунтъ.

Царю много разъ подавали челобитныя на родственниковъ Милославскихъ, но всякій разъ приближенные царя представляли ему дѣло въ такомъ видѣ, что челобитныя оставлялись безъ отвѣта.

25 мая 1648 года царь возвращался отъ Троицы во дворецъ.

По обыкновенію онъ былъ жизнерадостенъ, шутилъ и смѣялся, весело раскланивался съ прохожими. Почти подъѣхали ко дворцу. Вдругъ вдали послышался шумъ, и изъ переулка показалась толпа народа. Приближенные царя хотѣли было разогнать толпу, но было уже поздно; народъ окружилъ царя, кто-то схватилъ лошадь подъ уздцы и процессія должна была остановиться.

Царь Алексѣй сначала испугался и побѣдпѣлъ, но потомъ оправившись спросилъ.

— Что вамъ нужно отъ меня?

Нѣсколько человѣкъ стали разсказывать царю о тѣхъ несправедливостяхъ, которые чинитъ Плещеевъ.

— Прогони Плещеева, назначь другого, добраго человѣка! кричали въ толпѣ.

Алексѣй хотѣлъ сначала уклониться отъ опредѣленнаго отвѣта, но видя возбужденное состояніе толпы, обѣщалъ смѣнить Плещеева.

Царь тронулся дальше и почти уже въѣхалъ въ ворота дворца, какъ нѣсколько придворныхъ, друзей Плещеева, бросились въ толпу народа и стали бить нагайками. Это было сигналомъ къ бунту. Толпа бросилась на придворныхъ и стала ихъ избивать, такъ что тѣмъ пришлось спрятаться во дворцѣ. Кто то ударилъ въ набатъ и народъ со всѣхъ сторонъ сталъ собираться ко дворцу. Полетѣли камни, зазвенѣли дворцовыя окна.

— Выдать Плещеева! кричала толпа.

— Довольно онъ пилъ народную кровь! Казнить его!

Царь и придворные разстерялись. Еще нѣсколько минутъ и толпа ворвется во дворецъ.

Въ страхѣ Алексѣй сталъ совѣщаться съ боярами, что дѣлать, и рѣшили казнить виновника бунта Плещеева. Его схватили и повели на площадь. Лишь только Плещеевъ показался въ со-

провожденіи палачей на площади, въ толпѣ раздался ревъ и свистъ.

— Смерть ему! кричали въ народѣ.

— Не выпускайте его, а то обманутъ!

Толпа набросилась на Плещеева, вырвала его у палачей и умертвила.

Но волненія не прекращались.

Тогда Морозовъ вышелъ къ народу и хотѣлъ его успокоить. Но едва онъ появился, какъ раздался яростный вопль: народъ не любилъ Морозова, считая его, какъ правителя, виновникомъ всѣхъ несправедливостей. Въ Морозова полетѣли камни, и если бы онъ не бросился бѣжать во дворецъ, то его, навѣрное, постигла бы та же участь, какъ и Плещеева.

Теперь народъ сталъ требовать казни Морозова и Трахіотова. Положеніе было опасное: можно было ждать, что толпа ворвется во дворецъ.

Тогда царь велѣлъ сказать, что Морозовъ и Трахіотовъ изъ дворца бѣжали.

Но кто-то крикнулъ въ толпѣ.

— Идемъ грабить и жечь Морозовское добро! и толпа съ гиканьемъ и крикомъ разсыпалась по улицамъ. Домъ Морозова былъ дѣйствительно разграбленъ и сожженъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ запылала и Москва. Погорѣли Петровка, Дмитровка, Тверская, Никитская, Арбатъ. Страшное море огня бушевало надъ Москвой и нужно было много усилій, чтобы потушить пожаръ.

Пожаръ прекратился, но народный бунтъ продолжался по прежнему. Тогда охрану дворца взяли

на себя служившіе у царя нѣмцы въ Москвѣ. Съ распущенными знаменами и барабаннымъ боемъ они отправились ко дворцу и расположились около дворца стражею.

Нѣмцевъ пропустили спокойно, имъ даже сочувствовали.

— Противъ нѣмцевъ мы не идемъ, кричали въ народѣ, они люди истинные, притѣсненій боярскихъ не хвалятъ.

Тогда къ народу вышелъ Никита Ивановичъ Романовъ, онъ пользовался народной любовью, потому царь и послалъ его для переговоровъ. Никита Романовъ снялъ шапку, поклонился народу и сказалъ, что царь обѣщаетъ удовлетворить всѣ ихъ требованія и проситъ разойтись.

— Не уйдемъ пока не выдадутъ Морозовъ и Трахіотова! закричали въ толпѣ.

— Ни Морозова, ни Трахіотова во дворцѣ нѣтъ! отвѣтилъ Никита Ивановичъ, ихъ отыщутъ и казнятъ.

Тогда толпа разошлась. По дорогѣ нашли около Троицкаго монастыря Трахіотова и убили его.

Послѣ того, какъ народъ успокоился, царь прошелъ по городу съ крестнымъ ходомъ. Остановившись на Красной площади Алексѣй Михайловичъ обратился къ народу съ рѣчью.

— Очень я жалѣлъ, узнавши о безчинствахъ Плещеева и Трахіотова, сдѣланныхъ моимъ именемъ, но противъ моей воли, сказалъ Алексѣй Михайловичъ. На ихъ мѣста теперь опредѣлены люди честные, пріятные народу, которые будутъ

чинить расправу безъ посуловъ и всѣмъ одинаково, за чѣмъ я буду самъ слѣдить...

— Вотъ это дѣло! Правильно! кричали въ народѣ.

— Я обѣщалъ вамъ выдать Морозова продолжалъ царь и долженъ сознаться, что не могу я его совершенно оправдать, но не могу рѣшиться и осудить его: это человѣкъ мнѣ дорогой, мужъ сестры царицыной и выдать его на смерть будетъ мнѣ тяжело!

Говоря такъ, Алексѣй Михайловичъ заплакалъ!

Народъ былъ тронутъ слезами царя:

— Да здраствуетъ государь на многіе лѣта кричала толпа.

— Да будетъ воля Божія и государева!

Морозовъ былъ спасенъ. Но ему пришлось устраняться отъ дѣлъ и уѣхать въ Кириловъ монастырь.

Его мѣсто скоро занялъ Никонъ...

Царь любилъ по вечерамъ захаживать на женскую половину дворца. Тамъ у его жены бывали разные странники, странницы, монашки. Интересно ему было послушать ихъ разсказы о святыхъ мѣстахъ, о разныхъ монастыряхъ, въ которыхъ они бывали.

И теперь, зайдя на женскую половину, онъ засталъ тамъ монашку, разсказывавшую царицѣ о жизни Кожеозерскаго мужского монастыря и о необыкновенномъ его игуменѣ.

— Слыхалъ, слыхалъ я объ этомъ монасты-

рѣ, говорилъ Алексѣй Михайловичъ, древній монастырь. Что же тамъ за игуменъ такой?

— Святой жизни человѣкъ, государь мой, зовутъ его Никонъ отвѣчала монашка.—Была я въ монастырѣ томъ недавно, видѣла его самаго, слышала его проповѣди,—подлинно, святой человѣкъ! И жизнь его мнѣ монахи разсказали.

— Разскажи-ка, какая его жизнь? попросила царица.

— Разсказываютъ, былъ онъ здѣсь въ Москвѣ священникомъ. Родомъ то онъ изъ простыхъ, Моровинъ; родился гдѣ-то около Макарьевскаго монастыря. За его благочестивую жизнь московскіе купцы его перемапили въ Москву. Но въ Москвѣ-то, матушка, онъ пробылъ не долго. Одна за другимъ умерли всѣ его дѣтки. Закручинился онъ и уговорилъ жену пойти въ монастырь, а самъ пошолъ въ Соловки. Вотъ добрался онъ до Соловокъ и постригся тамъ въ монахи подъ именемъ Никона. Монахи его приняли охотно, потому человѣкъ онъ ученый. Вотъ и зажилъ онъ тамъ въ монастырѣ то.

— А какъ же онъ въ Кожеозерскій то монастырь попалъ, спросилъ царь.

— Вотъ тогда, батюшка, разскажу все по порядку. Сталъ онъ жить въ монастырѣ. Выбралъ Никонъ-то Соловки, какъ мѣсто святое. А оказалось, что монахи тамъ больше думаютъ о мірскомъ, чѣмъ о небесномъ: ругаются между собой, пьянствуютъ. Ну, Никонъ возгорѣлся ревностью и сталъ ихъ укорять за дурную то

жизнь. Человѣкъ онъ характерный, самостоятельный. Монахи не взлюбили его, да такъ не взлюбили, что хотѣли убить его.

— О, Господи, вздохнула царевна, а онъ то что же?

— Что же, матушка? Видитъ онъ, что не нашелъ тутъ того, что хотѣлъ, что погибнуть можетъ, и убѣжалъ ночью. Кое-какъ переѣхалъ, съ острова на берегъ и добрался до Кожеозерскаго монастыря. Пришелъ отъ туда, разсказалъ о своихъ мытарствахъ, ну его монахи приняли къ себѣ. Построилъ онъ себѣ отдѣльную келью и сталъ жить отшельникомъ Божіимъ. Скоро полюбили его монахи и, когда умеръ у нихъ игуменъ, избрали его игуменомъ. Какъ сталъ Никонъ игуменомъ, такъ тотчасъ завелъ новыя порядки: ввелъ единогласіе въ служеніе, устроилъ хоръ, сталъ каждый праздникъ произносить проповѣди. И такое стало благолѣпіе въ храмѣ, что я нигдѣ и не видовала. А ужъ какъ проповѣдь начнетъ говорить, такъ за сердце беретъ. Слушала я его, матушка царица. Не могу, стою и плачу, слезы такъ и текутъ, такъ и текутъ...

Заинтересовался Алексѣй Михаловичъ разсказовъ черничьи.

— Какіе есть люди, а вотъ объ нихъ и не знаетъ, сказалъ онъ въ раздумьи. Надо сказать патріарху, чтобы извѣстилъ меня, если Никонъ будетъ въ Москвѣ.

Въ 1646 году Кожеозерскій игуменъ Никонъ

поѣхалъ въ Москву для сбора пожертвованій на монастырь. Было лѣто, и царь жилъ около Москвы въ с. Коломенскомъ.

Туда онъ и велѣлъ пріѣхать Никону.

Царь съ нѣкоторымъ волненіемъ въ назначенный часъ поджидалъ Никона. И когда къ нему вошелъ и поклонился въ ноги высокій красивый монахъ, съ блѣднымъ аскетическимъ лицомъ, съ большой черной бородой въ которой кое-гдѣ уже серебрилась сѣдина, то Алексѣй Михайловичъ даже сначала немного растерялся.

Такъ сошлись эти два человѣка, жизни которыхъ тѣсно переплелись между собою: съ одной стороны царь большого могущественнаго государства, но вмѣстѣ съ тѣмъ тихій, робкій, застѣнчивый, не знающій жизни безвольный и слабый, а съ другой стороны много испытавшій за 40 лѣтъ своей жизни монахъ-аскетъ, много видѣвшій людей и хорошего знавшій жизнь. Человѣкъ сильный духомъ, съ твердой волей. Никону было о чемъ поразсказать молодому царю.

— Я много видѣлъ на своемъ вѣку, всемилостѣйвый государь, говорилъ Никонъ царю и когда вспомню, что дѣлается кругомъ, то страшно становится за будущее.

Западъ впалъ въ латинство, востокъ положенъ турками, Москва одна осталась хранильницей православія и, если уже мы не сохранимъ въ чистотѣ ученія православной вѣры, то гдѣ же оно сохранится? А между тѣмъ посмотри, государь. что дѣлается въ церквахъ: народъ равнодушенъ

къ службѣ, попы невѣжественны и часто пьяницы, въ церкви люди ругаются и богохульничаютъ, даже сами священники часто служатъ пьяными и въ церкви дерутся, и идетъ развратъ и невѣріе.

— О Господи, все это правда подумалъ Алексѣй Михаиловичъ, вѣдь я и самъ иногда въ церкви разговариваю о вещахъ посторонннихъ!...

Никонъ много приводилъ примѣровъ упадка нравственности среди духовенства, и нарисовалъ мрачную картину положенія церкви.

Бесѣда Никона потрясла царя. Онъ взволнованный простился съ нимъ и, получивъ отъ него благословеніе, просилъ и впредь не оставлять его своими совѣтами.

Скоро по настоянію царя Никонъ былъ переведенъ въ Москву игуменомъ въ Новоспасскій монастырь. Этотъ монастырь игралъ въ то время важную роль, ибо здѣсь была родовая усыпальница Романовыхъ. Съ переѣздомъ Никона въ Москву бесѣды его съ царемъ участились. Царь велѣлъ ему ѣздить во дворецъ каждую пятницу и проводилъ время съ нимъ по нѣсколько часовъ.

Никонъ не захотѣлъ ограничиться только ролью интереснаго собесѣдника, скоро онъ сталъ выступать передъ царемъ въ качествѣ ходатая за вдовъ и сиротъ, за людей чѣмъ либо обиженныхъ И его заступничество всегда имѣло успѣхъ. Молва объ этой дѣятельности скоро распространилась по всей Москвѣ и къ Никону стало об-

рящаться за помощью много народа. Благодаря самоуправству ставленниковъ (родственниковъ) Морозова и Милославскихъ, жалобъ было много. Справедливыя изъ этихъ жалобъ Никонъ докладывалъ Алексѣю Михаловичу. И передъ молодымъ царемъ невольно вырисовывалась отрицательная сторона дѣятельности его любимцевъ. Всѣ эти бесѣды скоро сильно привязали Алексѣя Михаловича къ Никону, архимандритъ Новоспасскаго монастыря сталъ самымъ близкимъ къ царю человѣкомъ. Молодой Алексѣй съ трогательной заботливостью относился и Никону и называлъ его «собинымъ другомъ».

Роль, которую занялъ во дворцѣ Никонъ, скоро породила и враговъ ему. «Собинный другъ» царя былъ человѣкъ независимый и гордый, онъ не умѣлъ и не хотѣлъ къ кому либо подслуживаться. Поэтому онъ почти не бывалъ на женской половинѣ дворца, ибо бесѣды съ „бабами“ его не интересовали. Изъ всѣхъ царицъ онъ болѣе внимательно относился къ Татьянѣ Михайловнѣ, сестрѣ царя. Она часто пріѣзжала въ Новоспасскій монастырь, чтобы послушать проповѣдь Никона и любила съ нимъ бесѣдовать.

Зато другіе члены царской семьи и въ особенности бояре не любили Никона. Знатные боярскіе роды не могли помириться съ мыслью, что какой-то „мордвинъ“ начинаетъ принимать участіе въ государственныхъ дѣлахъ и сталъ другомъ царя. Въ особенности ненавидѣли Никона тѣ, чьи темныя дѣла невольно выплывали на

свѣтъ Божіей, когда Никонъ приходилъ къ царю съ челобитьями.

Но вражда къ Никону боярства нисколько не уменьшила привязанности царя къ Никону и онъ не замедлилъ выказать къ нему свою любовь и довѣріе при первомъ же удобномъ случаѣ.

IV.

Митрополитъ Новгородскій.

7 января 1649 года митрополитъ Новгородскій Аѳоній по преклонности лѣтъ своихъ уволился на покой: и поселился въ Варламіево—Кутынскомъ монастырѣ. Митрополичья кафедра оказалась вакантной.

Извѣстіе объ отреченіи Аѳонія отъ митрополичьей кафедры сильно взволновало духовные круги Москвы. Митрополитъ Новгородской—второе лицо послѣ патріарха. Неудивительно, что и для духовенства и боярства было не безразлично кто будетъ митрополитомъ Новгородскимъ. Патріархъ Іосифъ, посовѣтовавшись со своими приближенными, составилъ списокъ кандидатовъ и представилъ его царю: конечно, въ немъ не было Никона. Алексѣй Михаиловичъ, просмотрѣвши списокъ, отвергъ его и пожелалъ, чтобы Новгородскимъ митрополитомъ былъ избранъ Никонъ. Патріархъ и его сторонники менѣе всего желали избранія Никона: они естественно боялись увеличенія его вліянія. Патріархъ сталъ

возражать противъ назначенія Никонъ и, конечно, не думалъ, что его возраженія встрѣтятъ отпоръ. Но къ удивленію своему онъ услышалъ:

— Я рѣшилъ, что будетъ Новгородскимъ митрополитомъ Никонъ, я такъ хочу и такъ должно быть.

Іосифъ былъ пораженъ такимъ неожиданнымъ настойчивымъ вмѣшательствомъ въ дѣла церкви со стороны царя и сказалъ.

— Государь, мнѣ тяжело прогнѣвать тебя, но рукоположить Никона въ митрополиты я отказываюсь. Съ этими словами патріархъ ушелъ.

Но царь не отказался отъ своего желанія. Онъ обратился къ гостившему тогда при московскомъ дворѣ іерусалимскому патріарху Паисію съ просьбой рукоположить Никона въ новгородскіе митрополиты. Угодливый грекъ, въ чаяніи щедрыхъ подарковъ за свою услугу, далъ согласіе. 11-го марта 1649 г. Никонъ былъ возведенъ въ санъ Новгородскаго митрополита.

Бесѣдуя съ Никономъ, патріархъ невольно убѣдился, что передъ нимъ сильная, талантливая личность. Впечатлѣніе отъ бесѣдъ съ Никономъ было настолько сильное, что патріархъ Паисій выдалъ Никону даже за своей печатью грамоту. Въ этой грамотѣ онъ восхваляетъ достоинства Никона и въ знакъ своего особеннаго расположенія разрѣшаетъ ему носить мантію съ красными „источниками“ т. е. прошивками.

Но и для Никона бесѣда съ патріархомъ не прошла безслѣдно. Поисій рѣшительно осудилъ

употреблявшееся у насъ двуперстное сложеніе креста, заявивъ, что это ересничество. Никонъ, самъ такъ ревностно исполнявшій обряды церкви и всегда крестившійся двуперстно, былъ смущенъ. Въ волненіи онъ повѣдалъ мнѣніе патріарха царю. Алексѣй Михайловичъ видѣвшій весь смыслъ православія въ соблюденіи обрядовъ, былъ смущенъ не менѣе Никона и немедленно распорядился отравить на востокъ келаря Троице-Сергіевской лавры Арсанія Суханова для провѣрки этого мнѣнія и справокъ объ истинѣ.

Никонъ отправился въ Новгородъ, но по пути заѣхалъ за благословеніемъ къ бывшему тогда уже почти при смерти митрополиту новгородскому Арсенію.

Войдя въ его келью митрополитъ Никонъ поклонился старцу въ ноги и попросилъ у него благословеніе.

— Не мнѣ тебя благословлять, отвѣтилъ старецъ, а ты меня благослови, патріархе Никонъ!

— Ни, отче святый, возразилъ Никонъ, — азъ грѣшный митрополитъ, а не патріархъ.

— Будешь патріархъ, отвѣтилъ старецъ, благослови! Тогда Никонъ благословилъ старца, а старецъ благословилъ Никона.

Долго раздумывалъ дорогой Никонъ надъ предсказаніемъ старца. И вспомнилось ему другое предсказаніе, колдуна, къ которому онъ ходилъ вмѣстѣ съ монахами Макарьевскаго монастыря.

— Все въ рукахъ Божіихъ, подумалъ Никонъ и истово перекрестился.

Пріѣхавъ въ Новгородъ, Никонъ началъ завѣдывать не только духовными дѣлами, но фактически сталъ и во главѣ свѣтской власти, ибо онъ долженъ былъ обо всемъ, что дѣлается въ Новгородѣ доносить государю и Алексей Михаиловичъ находился съ нимъ въ дѣятельной перепискѣ, постоянно совѣтуясь о всякихъ болѣе или менѣе важныхъ государственныхъ дѣлахъ. Зная это, нѣтъ ничего удивительнаго, что гражданскія власти Новгородскіе о всемъ совѣтывались съ Никономъ.

Прежде всего Никонъ занялся дѣлами благотворительности. Когда въ Новгородской землѣ начался голодъ, и голодные толпами нахлынули въ городъ, прося хлѣба, то Никонъ отвелъ у себя на „владычномъ“ дворѣ отдѣльное помѣщеніе, гдѣ ежедневно кормили голодныхъ. Каждое утро подавали нищимъ по куску хлѣба, а по воскресеньямъ раздавали деньги. Кромѣ того Никонъ устроилъ нѣсколько богадѣленъ для призрѣнія убогихъ.

Вся эта дѣятельность Никона однако не помѣшала разразиться въ Новгородѣ мятежу, въ которомъ пострадалъ и самъ Никонъ.

Хотя Новгородская республика пала и покорилась Москвѣ, но свободный духъ ел гражданъ остался. Вотъ почему новгородцы съ глубокимъ недовѣріемъ относились всякому человѣку, назначенному изъ Москвы. Такимъ былъ для нихъ и Никонъ, не смотря на всю его благотворительную дѣятельность. Къ этому присоединилось

враждебное отношеніе къ Никону со стороны Новгородскаго духовенства. Никонъ былъ человѣкъ крутой и энергичный. Лишь только онъ пріѣхалъ, какъ сталъ заводить новые порядки, многогласное пѣніе замѣнилъ единогласіемъ, самъ сталъ совершалъ богослуженіе съ большой правильностью и торжественностью. Этого же требовалъ и отъ другихъ. Благодаря этимъ измѣненіямъ служба значительно удлинилась, что вызвало недовольствіе, какъ со стороны духовенства, такъ и прихожанъ. Невѣжественнымъ попамъ приходилось учиться служить по новому, а прихожане хотя и считали себя православными, но желали, чтобы исполненіе ихъ религіозныхъ обязанностей не мѣшало ихъ торговымъ дѣламъ. Новый патріархъ энергично преслѣдовалъ пьяныхъ и развратныхъ поповъ, не считаясь ни съ лѣтами, ни съ ихъ семейнымъ положеніемъ. Строгость митрополита вызывала озлобленіе духовенства. Нѣкоторыя нововведенія Никона казались еретичествомъ: онъ устроилъ хоръ, выписалъ изъ Кіева регента и опытныхъ пѣвцовъ. Все это было такимъ новшествомъ, которое должно было вызвать ропотъ невѣжественнаго духовенства. Вотъ чѣмъ объясняется недовольство Никономъ въ Новгородѣ.

Но не этимъ были вызваны волненія. Непосредственныя причины ихъ лежали въ недовольствѣ тѣмъ покровительствомъ, которое московскіе цари оказывали иностраннымъ купцамъ въ ущербъ русскимъ. Не разъ московскимъ царямъ

подавались челобитныя съ изложеніемъ жалобъ но всѣ онѣ оставались безъ отвѣта.

Безпорядки начались въ Псковѣ. Непосредственнымъ поводомъ къ нимъ было слѣдующее. По столбовскому миру, заключенному Москвою со Швецей, обѣ стороны обязались выдавать перебѣжчиковъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ изъ русскихъ областей, уступленныхъ Шведамъ, бѣжало въ Московское царство множество русскихъ, не желавшихъ жить подъ владычествомъ Шведовъ. Тогда Швеція потребовала выдачи перебѣжчиковъ. Передъ благочестивымъ царемъ всталъ трудный вопросъ: выдать православныхъ русскихъ лютеранамъ, это значитъ, какъ онъ думалъ, совершить большой грѣхъ, ибо ихъ заставятъ перейти въ „люторскую" вѣру, не выдать—значитъ нарушить договоръ. Рѣшили выкупить перебѣжчиковъ. Часть выкупной суммы въ размѣрѣ 20,000 руб. была уплачена шведскому агенту Нумменсу, и онъ съ ними отправился въ Швецію черезъ Псковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ зачетъ выкупной суммы велено было отпустить въ Швецію изъ псковскихъ царскихъ житницъ хлѣба 11,000 четвертей.

24 февраля на масляницѣ пришла къ псковскому воеводѣ Собакину царская грамота съ предписаніемъ выдать шведамъ хлѣбъ въ указанномъ количествѣ. Извѣстіе о полученной грамотѣ тотчасъ облетѣло весь городъ. Народъ сталъ волноваться, было непонятно, зачѣмъ хотятъ выдавать русскій хлѣбъ шведамъ?

— Измѣна!—говорили въ народѣ, бояре продали насъ нѣмцамъ!

Человѣкъ 30 выбранныхъ явились къ епископу Макарію и стали его просить, чтобы онъ уговорилъ воеводу не давать хлѣбъ, пока не получится отвѣтъ на ихъ челобитье отъ государя.

Взволнованный о. Макарій послалъ за воеводой Собакинымъ. Собакинъ заявилъ, что не можетъ противиться царскому приказу и хлѣбъ выдастъ.

— А вы можете, если хотите, подавать челобитную,—сказалъ Собакинъ пришедшимъ. Но не въ свое вы дѣло вмѣшиваетесь, государь самъ знаетъ, что дѣлать. А вы ворвались толпой къ епископу, сѣете смуту, какъ кликуны *).

Пришедшіе заволновались.

— Ты, Никифоръ Сергѣевичъ, напрасно насъ ругаешь, ты самъ больше беззаконничаешь, послышалось изъ толпы. Зачѣмъ пускаешь нѣмцевъ въ городъ на пиръ къ Ѳедору Емельянову? **).

— Ну что же пускаю, не отпираюсь,—отвѣтилъ Собакинъ, Ѳедоръ Емельяновъ болѣнъ, а у него торговыя дѣла съ нѣмцами, — вотъ и пустилъ!

— Не имѣешь права! — кричали пришедшіе, нѣмцамъ продался!..

---

*) Названіе очень обидное для псковитянъ.

**) Въ городъ (крѣпость) иностранцевъ пускать было запрещено.

Начался споръ и взаимныя препирательства.

— Я вамъ покажу, какъ я нѣмцамъ продался!— кричалъ разсердившійся Собакинъ, Эй, подъячій, переппши-ка ихъ всѣхъ!..

Пришедшіе бросились въ разныя стороны и переписать ихъ не удалось.

28 февраля громадная толпа народа собралась около всегородской избы. Тутъ были люди всякихъ чиновъ: и бѣдняки и богатые торговцы. Толпа волновалась и шумѣла.

— Не отпускать хлѣбъ нѣмцамъ!—кричали въ толпѣ.

— Давно извѣстно, что бояре продались нѣмцамъ и обманываютъ молодого царя. А онъ ничего не понимаетъ и не знаетъ!

— Если будутъ брать, силой не давать!— кричали горячія головы.

Но посадскимъ людямъ и стрѣльцамъ не хотѣлось, чтобы дѣло дошло до самоуправства. Они стали уговаривать покончить дѣло миромъ.

— Самоуправствомъ ничего нельзя подѣлать,— говорили они народу, нельзя царскому указу противиться. Подадимъ челобитную государю, будемъ ему бить челомъ, тогда видно будетъ.

Ихъ рѣчи оказали вліяніе, толпа начала успокаиваться. Стали уже расходиться по домамъ. Вдругъ прибѣжали стрѣльцы отъ Петровскихъ воротъ.

— Нѣмецъ ѣдетъ, везетъ казну изъ Москвы!— кричали они еще издали.

— Врете!..

— Сами видѣли!

Толпа бросилась по указанному направленію.

По загородь Великой рѣкою направлялся къ Нѣмецкому гостиному двору не торопясь ѣхалъ Нумменсъ съ полученными въ Москвѣ деньгами. Его сопровождалъ приставъ Тимашевъ.

Нѣмецъ не ждалъ бѣды и ѣхалъ спокойно.

Вдругъ его окружила толпа народа.

— Стой!—кричали въ толпѣ, слѣзай съ лошади!

Приставъ сталъ объяснять, что на пропускъ нѣмца есть бумага царя.

— Врешь, какая тамъ бумага царя — все бояре выдумываютъ!—кричали въ толпѣ.

— Бей нѣмца!

— Въ прорубь его!

Нумменъ понялъ, что положеніе его становится опаснымъ. Онъ сталъ объяснять, что за деньги онъ везетъ съ собой и просилъ ихъ отпустить его повидаться съ Ѳедоромъ Емельяновымъ.

Имя Емельянова привело толпу въ ярость.

— Ѣдетъ къ измѣнщику Емельянову!

— Пытать нѣмца, пытать Ѳедора!

Тотчасъ казну у нѣмца отобрали, отправили ее на подворье Святогорскаго монастыря, заперли ее тамъ и запечатали. Нумменса обыскали, забрали всѣ бумаги, отвели его тоже въ Святогорское подворье и приставили къ нему стражу.

Услышавъ набатъ и крики, на площадь прискакалъ воевода Собакинъ. Узнавъ въ чемъ дѣло,

онъ сталъ уговаривать псковичей отдать казну и отпустить Нумменса.

— Вамъ до государевой казны дѣла нѣтъ!

Но псковичи не слушали воеводу.

— Откуда ты знаешь, что это воля государева?—спрашивали они его. Если все это дѣлалось съ вѣдома государя, то нѣмецъ не ѣхалъ бы крадучись задами, а ѣхалъ бы городомъ.

Скоро прибылъ и епископъ Макарій съ духовенствомъ и сталъ уговаривать прекратить бунтъ.

— Воля государева, — отвѣчали псковичи, а хлѣбъ намъ нѣмцу до государева указа не отдавать!

1 марта „гилевщики“ *) собрались на площади и выбрали изъ себя правительство для управленія городомъ. Выбрали троихъ: площадного подъячаго Томилку Васильева Слѣпого, стрѣльцовъ: Прошку Козу и Сорокоума Копыто.

Вѣсти о томъ, что въ Псковѣ бунтъ, немедленно дошли до Новгорода. Новгородцы, недовольные московскимъ правительствомъ, стали глухо волноваться. Волненія въ Москвѣ и другихъ городахъ невольно наводили на мысль, что слѣдовало бы и новгородцамъ попытаться вернуть себѣ хоть часть правъ, которыми они пользовались раньше. Предлогъ для волненій скоро нашелся. Изъ-за границы вернулся нѣкій Никита Петеринъ и сталъ разсказывать новгородцамъ,

*) Бунтовщики; „гиль“—бунтъ.

что нѣмцы ждутъ казны изъ Москвы и какъ только казна придетъ, то они, пользуясь этими днями пойдутъ на Новгородъ и возьмутъ его. А отъ псковитянъ они узнали, что нѣмцамъ приказано отдать и хлѣбные запасы, которые находились въ Псковѣ.

Новгородцы заволновались.

— Что же будетъ съ Новгородомъ?

Стали говорить, что, если Москва не только не хочетъ защищать Новгородъ, но даже ссужаетъ врага деньгами, то новгородцамъ слѣдуетъ разсчитывать только на себя.

Въ особенности горячился посадскій Волкъ.

— Раньше мы сами выбирали себѣ и посадниковъ и владыкъ, а теперь стали намъ назначать чужихъ людей, не спросясь насъ! А что они понимаютъ въ нашихъ дѣлахъ?

15 марта въ Новгородъ пріѣхалъ датскій посланникъ Грабъ. Его сопровождалъ русскій толмачъ Печай Дрябинъ.

Въ Новгородѣ стали говорить:

Нѣмцы пріѣхали, казну везутъ!..

Трофимъ Волкъ, разговорившись съ Дрябинымъ, узналъ отъ него, что, дѣйствительно, идетъ изъ Москвы къ нѣмцамъ большая казна.

Волкъ бросился немедленно къ земской избѣ и сталъ кричать, что нѣмцы казну везутъ!

Собралась толпа и Волкъ объяснилъ прибѣжавшимъ, что измѣнники бояре въ Москвѣ передали нѣмцамъ казну, которую они теперь и везутъ черезъ Новгородъ.

— Не дадимъ вывести денегъ! кричалъ Волкъ, пойдемъ и отнимемъ ихъ у нѣмца.

Толпа бросилась за посланникомъ Грабомъ, какъ разъ въ это время выѣзжавшимъ изъ Новгорода.

Граба съ крикомъ окружили и потребовали, чтобы онъ слѣзъ съ лошади и шелъ въ земскую избу.

— Я датскій посолъ, заявилъ Грабъ, и пользуюсь неприкосновенностью. Кто меня тронетъ, тотъ будетъ казненъ!

Но заявленіе Граба никакого дѣйствія на толпу не оказало.

— Посолъ ты или нѣтъ, намъ дѣла нѣтъ до этого, отвѣтили ему, а вотъ слезай съ лошади и иди въ избу!

Тогда Грабъ заявилъ, что будетъ защищаться и схватился за шпагу. Въ это время Волкъ подскочилъ сзади и сбилъ его съ лошади. Посланникъ упалъ, а Волкъ насѣлъ на него и ударилъ нѣсколько разъ по лицу, такъ что Грабъ лишился чувствъ.

Послѣ успѣшнаго нападенія на посла толпа бросилась грабить богатые дома.

Нападеніе на Граба было только началомъ безпорядковъ. На другой день 16 марта съ утра загудѣлъ сполошный колоколъ. Народъ толпами сталъ сходиться у земской избы.

— Московскіе бояре продали насъ нѣмцамъ! кричали въ толпѣ.

— Московскіе ставленники только притѣсня-

ютъ народъ! Жеглова съ братьями Негодяевыми за что митрополитъ въ тюрьмѣ держитъ?

— Пойдемъ освобождать Жеглова! кричали въ толпѣ.

Толпа двинулась къ митрополичьимъ покоямъ. Никто приходящимъ не сопротивлялся и Жегловъ съ братьями Негодяевыми былъ освобожденъ. Новгородцы торжествовали. Всей толпой отправились къ земской избѣ, съ Жегловымъ и Негодяевыми во-главѣ.

— Теперь намъ не нужно Московскаго правительства, говорилъ посадскій Елисей Лисица, выберемъ себѣ свое, изъ своихъ людей.

— Правильно, необходимо, чтобы былъ порядокъ! отозвались въ толпѣ.

Немедленно приступили къ выборамъ. Выбрали 8 человѣкъ, въ томъ числѣ и Жеглова съ Негодяевыми, которые и встали во главѣ движенія.

Долго въ эту ночь не спали въ митрополичьихъ покояхъ. Тамъ кн. Хилковъ совѣтовался съ Никономъ, какъ потушить вспыхнувшій мятежъ. Часть стрѣльцовъ перешла на сторону новгородцевъ, оставшихся вѣрными было мало. При такомъ положеніи дѣла Хилковъ былъ безсиленъ. Тогда Никонъ задумалъ испробовать духовное оружіе: онъ рѣшилъ вождей движенія проклясть, какъ бунтовщиковъ.

17 марта, день Алексѣя Божія человѣка, день ангела царя. Обыкновенно служба въ этотъ день была особенно торжественна. Народу въ церкви было много. Въ концѣ службы Никонъ произнесъ

проповѣдь о вредѣ волненій и затѣмъ проклялъ по-имени всѣхъ руководителей движенія. Митрополитъ думалъ, что это устрашитъ остальныхъ. Но Никонъ ошибся: проклятіе имѣло обратныя послѣдствія; оно только вооружило противъ Никона даже тѣхъ, кто относился къ нему безпристрастно.

— Государь жалуетъ въ свой ангелъ, изъ тюремъ виноватыхъ людей выпускаетъ, а митрополитъ въ такой праздникъ проклинаетъ! говорили новгородцы, расходясь послѣ обѣдни по домамъ.

— Кого онъ проклинаетъ? возмущались другіе, вѣдь не Жеглова и Лисицу, а всѣхъ насъ новгородцевъ, ибо вѣдь у всѣхъ у насъ одна дума.

Возбужденіе противъ Никона росло.

19 числа на торговой сторонѣ приставъ Съѣзжей избы Гаврила Шестеровъ по прозвищу Колча въ разговорѣ назвалъ патріарха и кн. Хилкова измѣнниками. Хилковъ узналъ объ этомъ и велѣлъ его арестовать. Шестерова привели въ софійскій митрополичій домъ и тамъ били батогами. Объ этомъ узнали отецъ его и жена. Они бросились къ земской избѣ и начали кричать:

— Миряне, заступитесь! Митрополитъ и окольничій сына моего пытаютъ, бьютъ и огнемъ жгутъ!

Толпа заволновалась.

— Идти къ митрополиту!

— Мало ему, что проклялъ, еще пытаетъ! кричали въ толпѣ.

Бросился на Софійскій дворъ, ворота оказались запертыми. Стали стучать и ломать дверь. Тогда Никонъ велѣлъ отпереть. Толпа направилась къ тюрьмѣ и освободила Нестерова.

Когда Нестеровъ вышелъ изъ тюрьмы, то онъ показалъ окровавленную спину.

— Вотъ какъ они меня мучили!..

Накипѣвшееся раздраженіе, наконецъ, вылилось наружу. Толпа бросилась въ митрополичьи хоромы. На встрѣчу имъ показался Никонъ въ полномъ облаченіи.

— Здѣсь покои митрополита, сказалъ онъ, какъ вы смѣете сюда войти?

— Его намъ и надо! кричала толпа, увидя Никона.

— Бейте его, довольно ему насильничать надъ нами!

Толпа бросилась на митрополита. Нѣсколькими ударами онъ былъ сбитъ съ ногъ. Его били ногами, разбили ему лицо, изорвали одежду.

— Ведите его въ земскую избу, пусть онъ тамъ дастъ намъ отвѣтъ! крикнулъ кто-то въ толпѣ.

И избитаго Никона, едва передвигавшаго ноги повели въ земскую избу.

Растерзанный, въ изорванной одеждѣ, шелъ Никонъ среди толпы. Но когда дошли до Золотыхъ воротъ, то силы стали оставлять его, и Никонъ присѣлъ на скамейку.

— Сегодня, сказалъ онъ окружавшимъ его новгородцамъ, я долженъ служить литургію у

Знаменья Пресвятой Богородицы. Грѣхъ вамъ будетъ, если изъ за васъ я не смогу исполнить этого—отпустите меня.

Окружающіе посовѣтовались между собою и отпустили Никона.

Никонъ прослужилъ литургію и въ саняхъ больной уѣхалъ домой. О своемъ состояніи такъ онъ писалъ царю: „и нынѣ лежу на концѣ живота, харкою кровью, и животъ весь распухъ: чаю скорой смерти, масломъ соборовался". Но богатырское здоровье спасло Никона: онъ скоро выздоровѣлъ.

Послѣ избіенія Никона движеніе стало замѣтно утихать. Болѣе состоятельные классы, дворяне и дѣти боярскіе, видя, что движеніе зашло далеко, стали подумывать о необходимости примиренія съ Москвою.

— Навести намъ на себя за нынѣшнюю смуту такую же бѣду, какая была при царѣ Иванѣ! говорили они между собою.

Предвидя возможность появленія московскихъ войскъ въ Новгородѣ и подавленія движенія, Жегловъ созвалъ всѣхъ „гилевщиковъ" и сталъ убѣждать ихъ стоять другъ за друга и никого не выдавать:

— Если государь пришлетъ въ Новгородъ обыскивать и казнить смертью, говорилъ онъ, то всѣ стойте за одно и никого на казнь не выдавайте. Казнить, такъ казнить всѣхъ!

— Всѣ головой будемъ стоять другъ за друга!

Въ этомъ смыслѣ была составлена запись, на которой всѣ присутствующіе подписались.

Не было подписей дворянъ и дѣтей боярскихъ. Понимая, что безъ ихъ участія трудно разсчитывать на успѣхъ, Жегловъ рѣшилъ попытаться и ихъ склонить на свою сторону и подписаться подъ общей записью. Съ этой цѣлью онъ 20 марта вечеромъ созвалъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и сталъ ихъ уговаривать, чтобы и они руки приложили къ записи стоять за одно, чтобы государь хлѣба и денежной казны за рубежъ отпускать не велѣлъ.

Дѣти боярскіе и дворяне, когда узнали, зачѣмъ ихъ пригласили, то зашумѣли и закричали:

— Рукъ къ записи не прикладывать!

— Подъ челобитной къ государю подпишемся, а рукъ къ записи прикладывать не будемъ.

Пришлось примириться на томъ, что дворяне и дѣти боярскіе подписались только подъ челобитной.

Въ челобитной подробно объяснялось, чѣмъ недовольны Новгородцы: они просятъ, чтобы государь не выдавалъ нѣмцамъ казны и хлѣба. Жалуются на Никопа за его крутой нравъ, обвиняютъ его въ томъ, что онъ посягаетъ на Новгородскія святыни: хочетъ разрушить храмъ св. Софіи.

Въ то время, какъ челобитчики новгородскіе отправились въ Москву, къ Новгороду приближался отрядъ московскихъ войскъ подъ командой кн. Хованскаго. Отрядъ былъ небольшой, а

потому Хованскій не рѣшился войти въ городъ, а сталъ лагеремъ около.

Приближеніе московскаго войска вызвало въ Новгородѣ большой переполохъ. Умеренные элементы, стоявшіе за центральное московское правительство, увѣренно подняли голову и стали говорить, что нужно повиниться передъ царемъ и съ хлѣбомъ и съ солью встрѣтить Хованскаго. Непримиримые съ Жегловымъ во главѣ растерялись. Тѣмъ болѣе, что отъ движенія стали быстро отпадать всѣ колебавшіеся и число сторонниковъ примиренія стало расти съ каждымъ днемъ. А одинъ изъ руководителей движенія Негодяевъ, бѣжалъ изъ Новгорода, явился къ Хованскому съ извѣстіемъ, что новгородцы готовы его встрѣтить мирно и уговорилъ его отпустить его въ Москву, чтобы добиться себѣ прощенія.

Видя, что все пропало и движеніе будетъ подавлено, Жегловъ отправилъ Хованскому письмо, въ которомъ писалъ: „Ожидаютъ тебя въ Великомъ Новгородѣ, а встрѣчать тебя хотятъ за городомъ съ хлѣбомъ и солью; милости у тебя, государя, прошу, не въ укоръ тебѣ, государю моему, бью челомъ и пишу облегчись въ Великій Новгородъ скорымъ обычаемъ не со многими людьми и молостиво учини, а мірскіе люди государевой милости и тебя ожидаютъ вскорѣ; впредь, государь, жалуй, посылай въ Новгородъ новгородцевъ, а не иногородныхъ людей, потому что иногородніе люди не вѣдаютъ ничего, говорятъ

многія прибавочныя рѣчи, а Новгородскаго изыскания не знаютъ".

Дѣйствительно, новгородцы вышли на встрѣчу Хованскому съ хоругвями и съ хлѣбомъ-солью. Во главѣ новгородцевъ стоялъ митрополитъ Никонъ съ духовенствомъ. Митрополитъ благословилъ Хованскаго и окропилъ его святой водой.

Отъ собора св. Софіи Хованскій направился на митрополичій дворъ и тотчасъ разослалъ отряды завладѣть пушечнымъ дворомъ и земскою избою. Къ вечеру были арестованы всѣ главари, а тѣмъ съ 24 апрѣля по 17 мая продолжались аресты остальныхъ участниковъ. Всего было арестовано 212 человѣкъ.

„Гиль" была уничтожена, порядокъ возстановленъ, началась расправа.

13 мая на патріаршій дворъ явилось множество стрѣльцовъ съ женами и дѣтьми, и попросили вызвать Никона.

— Что вамъ нужно? спросилъ Никонъ.

— Батюшка, заступись, попроси освободить арестованныхъ, они у насъ, стрѣльцовъ, будутъ на порукахъ.

Никонъ велѣлъ имъ подождать и пошелъ къ Хованскому.

— Вотъ что князь, сказалъ онъ ему, тамъ пришелъ народъ и со слезами просятъ освободить арестованныхъ. Тебѣ въ Москвѣ сказали, чтобы ты во всемъ совѣтовался со мной, такъ вотъ мое мнѣніе: за исключеніемъ главныхъ виновниковъ, всѣхъ слѣдуетъ отпустить на свободу. Это

будетъ имѣть значеніе для успокоенія Пскова: если псковитяне узнаютъ, что всѣхъ держатъ въ тюрьмѣ, то подумаютъ, что и имъ грозитъ тяжкое наказаніе, и ни за что не сдадутся, а арестованные все равно не убѣгутъ, если ихъ и выпустить на свободу.

Хованскій согласился и всѣ арестованные, исключая главныхъ виновниковъ, были выпущены.

На другой же день кн. Хованскій началъ слѣдствіе. Прежде всего обвинили Волка. Онъ не отрицалъ того, что билъ датскаго посла. Объяснилъ что былъ пьянъ. Не отрицалъ также и того, что участвовалъ и въ бунтѣ, отстаивая новгородскія вольности, но при этомъ прибавилъ, что такъ думаютъ и такъ поступаютъ какъ онъ, всѣ настоящіе новгородцы.

Волкъ былъ приговоренъ къ смертной казни.

Новгородцы были поражены приговоромъ: давно уже Новгородъ не видалъ плахи. Сходились группами, качали головами, всѣ сочувствовали Волку.

Казнь должна была совершиться на другой день, по обычаю того времени публично. Съ утра площадь была полна народомъ. Толпа стояла подавленная и безмолвная.

Скоро привели Волка, онъ былъ блѣденъ, но на видъ спокоенъ. Входя на эшафотъ, Волкъ истово трижды перекрестился и поклонившись во всѣ стороны стоявшему народу, сказалъ:

— Прощай народъ православный; кладу свою голову за Великій Новгородъ.

Послѣ казни всѣ разошлись молчаливые и уг-

рюмые по домамъ и долго потомъ вспоминали погибшаго Волка.

Относительно остальныхъ приговоровъ пришолъ изъ Москвы. 5 человѣкъ главныхъ виновниковъ, въ томъ числѣ и Жеглов̀ъ были приговорены къ смерти, остальные къ наказанію плетьми или батогами и къ ссылкѣ въ разныя русскія окраины,

Новгородцы были подавлены строгостью наказанія. Самъ Никонъ былъ недоволенъ приговоромъ. Исполненіе приговора было отложено и митрополитъ сталъ хлопотать о смягченіи наказанія. Въ результатѣ его хлопотъ былъ полученъ приговоръ, въ которомъ были смягчены наказанія нѣкоторымъ изъ второстепенныхъ обвиняемыхъ.

Митрополитъ былъ огорченъ неудачей и огорченъ вдвойнѣ: ему было жалко новгородцевъ, которыхъ будутъ казнить, а съ другой стороны въ отвѣтѣ изъ Москвы онъ почувствовалъ, что его вліяніе падаетъ.

— Какъ успокоится все въ Новгородѣ, надо съѣздить въ Москву, рѣшилъ онъ.

Послѣ наказанія главныхъ участниковъ въ „гилѣ“ Новгородъ успокоился. Но въ Псковѣ и послѣ этого волненія продолжались и закончились только въ концѣ іюля мѣсяца.

V.

Патріархъ московскій.

Когда все успокоилось въ Новгородѣ и въ Псковѣ, Никонъ пріѣхалъ въ Москву. Радушный

пріемъ, оказанный ему царемъ, въ достаточной мѣрѣ показалъ, что чувства Алексѣя Михайловича къ своему „собинному другу“ нисколько не измѣнились. Теперь эта дружба стала еще тѣснѣе. Никонъ былъ приглашенъ царемъ на открытіе мощей преподобнаго Саввы въ Саввинъ-Сторожевскій монастырь въ Звенигородѣ. Торжество состоялось 19 января 1652 г.

Возвращаясь вмѣстѣ съ царемъ въ Москву, Никонъ сказалъ царю:

— Государь, меня тревожитъ одна мысль. Сегодня мы торжественно отпразновали открытіе мощей препод. Саввы, а есть святой, передъ которымъ власти сильно согрѣшили, и который больше, чѣмъ кто-нибудь другой заслуживаетъ поклоненія.

— О комъ ты говоришь? спросилъ царь.

— О митрополитѣ Филиппѣ, государь. Это былъ высокій святитель, осуждавшій неправду, кто бы эту неправду ни творилъ. Ты знаешь, что его судьба была печальна: за то, что онъ смѣло говорилъ правду царю Грозному и обличалъ его злодѣянія, онъ былъ сосланъ въ Соловки. Но Грозному и этого было мало: явился Малюта Скуратовъ и задушилъ старца. Совершилось неслыханное злодѣяніе! Съ тѣхъ поръ прахъ митрополита Филиппа покоится въ Соловкахъ, а не тамъ, гдѣ покоятся тѣла всѣхъ митрополитовъ. И какъ бы было хорошо, если бы ты, царь, возстановилъ попранную справедливость и велѣлъ перенести

останки его въ Москву, гдѣ имъ и надлежитъ находиться.

— Удобно ли это? Это какъ бы публично осуждать царя Ивана! въ раздумьи сказалъ Алексѣй.

— Никакого униженія царскаго достоинства тутъ нѣтъ, отвѣтилъ Никонъ, наоборотъ въ глазахъ народа ты станешь выше, ибо нашелъ въ себѣ мужество признать грѣхи своихъ предшественниковъ и воздать должное старцу. Греческіе цари не считали это унизительнымъ. Я тебѣ напомню случай изъ византійской исторіи. Когда императрица Евдокія Элія изгнала Іоанна Златоуста и тотъ умеръ въ Команѣ въ 407 году, тогда сынъ Евдокіи Осодосій II, чтобы исходатайствовать у Бога прощеніе для грѣшной матери, перенесъ мощи великаго проповѣдника въ патріаршую усыпальницу въ Византію.

Царь задумался. Ему казалось, что, собственно, это, дѣйствительно, будетъ хорошо, вѣдь въ самомъ дѣлѣ грозный и Малюта поступили безбожно. А главное будетъ очень торжественно! Алексѣй Михайловичъ любилъ торжественныя процессіи. И лишь только онъ себѣ представилъ величественную картину этого перенесенія мощей, какъ тотчасъ согласился.

— Это надо сдѣлать, и грамоту ему, святителю напишемъ сказалъ онъ Никону. Знаешь я даже преподобнаго Филиппа во снѣ видѣлъ: онъ говорилъ мнѣ, чтобы я перенесъ его прахъ въ Москву. Ну чтоже, я соберу соборъ, поговоримъ.

Соборъ, конечно, заявилъ, что противъ перене-

сенія мощей онъ ничего не имѣетъ. Нѣкоторые находили, что такой актъ унижаетъ царскую власть, но предпочли лучше молчать. Когда дѣло было рѣшено, то во главѣ процессіи былъ назначенъ Никонъ, который и отправился въ Соловки. Съ собою онъ везъ отъ царя на имя Филиппа грамоту слѣдующаго содержанія: „молю тебя и желаю пришествія твоего сюда, писалъ царь праху погибшаго Филиппа, чтобы разрѣшить прадѣда нашего царя Іоанна, совершенное противъ тебя неразсудно завистью и не совершеніемъ ярости. Хотя я и не повиненъ въ досажденіи твоемъ, однако грѣхъ прадѣда нашего постоянно убѣждаетъ меня и въ жалость приводитъ, ибо вслѣдствіе того изгнанія и до сего времени царствующій градъ лишается твоей святительской паствы. Потому преклоняю санъ свой царскій за прадѣда моего, противъ тебя согрѣшившаго, да оставивши ему согрѣшенія его своимъ къ намъ пришествіемъ, да упразднится поношеніе, которое лежитъ на немъ за твое изгнаніе, пусть всѣ увѣрятся, что ты помирился съ нимъ: онъ раскаялся тогда въ своемъ грѣхѣ и за это покаяніе и за наше прошеніе и по нашему прошенію приди къ намъ св. Владыко!“ Грамота была публичнымъ покаяніемъ свѣтской власти передъ духовной. Этимъ шагомъ Никонъ какъ бы подготовлялъ будущее возвышеніе главы церкви патріарха, какъ духовнаго правителя государствомъ.

Насколько дружественны въ это время были

отношенія между царемъ и Никономъ, показываетъ переписка царя съ Никономъ. Когда Никонъ отправился за мощами Филиппа, то царь писалъ ему изъ Москвы: „Отъ царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Руси великому солнцу сіяющему, пресвѣтлому богомольцу и преосвященному Никону, митрополиту Новгородскому и Великолуцкому отъ насъ, земного царя поклонъ. Радуйся архіерей великій, во всякихъ добродѣтеляхъ подвизающійся! Какъ тебя, великаго святителя, богъ милуетъ? А я, грѣшный, твоими молитвами далъ Богъ здоровъ. Не покручинься, Господа ради, что про Савинское дѣло не писалъ къ тебѣ, а писалъ и сыскъ послалъ къ келарю: ей, позабылъ, а тутъ въ одинъ день приключились всѣ отпуски, а я усталъ и ты меня, владыко святый, прости въ томъ, ей, безъ хитрости не писалъ тебѣ. Да пожаловать бы тебѣ великому святителю помолиться, чтобы Господь Богъ умножилъ лѣта живота дочери моей, а къ тебѣ она, святителю, крѣпко ласкова; да за жену мою помолиться, чтобы ради твоихъ молитвъ разнесъ Богъ съ ребеночкомъ: уже время снѣстъ, а какой грѣхъ станется и мнѣ и ей пропасть въ кручинѣ; Бога ради молись за нее!..“

Прибывъ въ Соловки митрополитъ Никонъ во время торжественной службы надъ прахомъ Филиппа неожиданно объявилъ о цѣли своего пріѣзда и торжественно огласилъ царскую грамоту. Монахи были поражены и опечалены, но такъ

какъ съ Никономъ былъ отрядъ стрѣльцовъ, пришлось подчиниться.

Во время пребыванія Никона въ Соловкахъ умеръ патріархъ Іосифъ. Объ его смерти подробно написалъ Никону самъ царь. Онъ печалился, что русская церковь овдовѣла, жалѣетъ Іосифа и вмѣстѣ съ тѣмъ приходитъ въ восторгъ отъ его хозяйственности: а какое строеніе у него было, говоритъ Алексѣй Михайловичъ „въ умѣ моемъ грѣшномъ не вмѣстится: не было того сосуда, чтобъ не въ пятеро оберчено". Сосуды были такъ хороши, что царь чуть было „не покусился" на нихъ. Онъ такъ пишетъ Никону объ этомъ:

„Да и въ томъ владыко святой прости меня: немного и я не покусился на иные сосуды, да милостію Божію воздержался и вашими молитвами святыми; ей, ей, владыко святый ни до чего не дотронулся; могъ бы я вчетверо цѣну дать, да не хочу для того, что отъ Бога грѣхъ, отъ людей зазорно: какой я буду прикащикъ?" Царь самъ переписалъ всѣ богатства Іосифа, потому что, „селибъ я самъ не сталъ переписывать,—пишетъ онъ, то все раскрали бы". Относительно избранія новаго патріарха царь писалъ Никону: „возвращайся Господа ради поскорѣе къ намъ выбирать на патріаршество именемъ Ѳеогноста, а безъ тебя отнюдь ни за что, не примимся". А въ другомъ письмѣ говоритъ: помолися, владыко святой, чтобы Господь Богъ нашъ далъ намъ пастыря и отца, кто Ему Свѣту годенъ (имя вышеписаное Ѳеогностъ), а

ожидаемъ тебя великаго святителя къ выбору, а сего мужа три человѣка вѣдаютъ: я, да казанскій митрополитъ, да отецъ мой духовный и сказываютъ свитъ-мужъ".

Въ іюлѣ 1652 года Никонъ съ прахомъ Филиппа вернулся въ Москву. Былъ ясный солнечный день. Съ ранняго утра вся Москва была на ногахъ. Помолившись въ Успенскомъ соборѣ, царь съ духовенствомъ, съ боярами, при громадномъ стеченіи народа отправился на встрѣчу мощамъ преп. Филиппа. Впереди несли хоругви и иконы.

Встрѣча произошла за городомъ. Когда издали показались блестѣвшіе на солнцѣ хоругви и раздалось пѣніе, то всѣ москвичи вмѣстѣ съ царемъ упали на колѣни. Впереди процессіи шелъ Никонъ съ крестомъ въ рукѣ. Его величественная фигура выдѣлялась изъ толпы и приковывала къ себѣ вниманіе. Всякій невольно думалъ:

— Вотъ человѣкъ, который созданъ быть патріархомъ,

Никонъ благословилъ колѣнопреклоненную толпу, а царя облобызалъ.

При звонѣ всѣхъ московскихъ колоколовъ процессія вошла въ Москву и подошла къ Успенскому собору. Послѣ молитвы, произнесенной Никономъ, крышка гроба была снята и царь, Никонъ, а за ними духовенство и народъ стали прикладываться къ мощамъ.

По окончаніи торжествъ приступили къ выборамъ новаго патріарха.

Бояре и высшее духовенство боялись власти Никона и потому были противъ его избранія въ патріархи. Попытался было выдвинуть своего кандидата кружокъ ревнителей древняго благочестія группировавшійся около царскаго духовника Стефана Ватифатьева. Но о. Стефанъ, будучи посвященъ въ планы царя, уклонился самъ.

Выборщики патріарха собрались на торжественное засѣданіе въ Успенскій соборъ. Собравшіеся по обычаю намѣтили двухъ кандидатовъ: Никона и бывшаго учителя его въ Макарьевскомъ монастырѣ священника Арсенія, а въ монашествѣ Антонія. Такъ неожиданно встрѣтились эти два человѣка: учитель и ученикъ.

Антоній сознавая, что ему на старости лѣтъ трудно быть главою православной церкви и не желая стоять на дорогѣ талантливому ученику, отказался самъ. Тогда избрали Никона. Послали за нимъ, но Никонъ не пошелъ. Тогда Алексѣй Михайловичъ послалъ нѣсколькихъ бояръ, митрополитовъ и архіепископовъ и другихъ лицъ и они почти насильно привели Никона въ соборъ.

Царь объявилъ Никону объ избраніи его патріархомъ:

— Благодарю, государь за честь—сказалъ Никонъ, низко кланяясь царю, но отъ патріаршества отказываюсь.

Государь былъ пораженъ отказомъ Никона, онъ никого больше не хотѣлъ видѣть патріархомъ и сталъ его упрашивать принять патріаршество. Но видя, что это не помогаетъ, упалъ

на колѣни и сталъ его умолять со слезами на глазахъ не оставлять вдовой православную церковь. Съ нимъ вмѣстѣ стояли на колѣняхъ и проспли и всѣ окружающіе.

Тогда Никонъ, обратившись къ окружающимъ— сказалъ имъ:

— Благочестивѣйшій государь, честнін бояре, освященный соборъ и всѣ христолюбивые люди! Если я угоденъ вамъ, чтобы быть у васъ патріархомъ, то дайте слово и обѣщаніе, что будете исполнять евангельскіе догматы, правила святыхъ апостоловъ и святыхъ отцовъ и законы благочестивыхъ царей; если обѣщаетесь слушать меня во всемъ, какъ пастыря-начальника и отца крайнѣйшаго, то по желанію и по прошенію вашему не могу отрекаться отъ великаго архіерейства.

— Будемъ слушаться и повиноваться во всемъ,— сказалъ обрадованный царь, а за нимъ повторили то же самое и окружающіе.

25 іюля было совершено постановленіе Никона на патріаршій престолъ рукоположеніемъ преосвященнаго Корнилія, митрополита Казанскаго и Свіяжскаго.

VI.

Начало раскола.

Къ концу 15 и началу 16 вѣка постепенно исчезла независимость отдѣльныхъ сѣверо-русскихъ княжествъ; на ихъ развалинахъ выросло

единое Московское царство. Москва стала центромъ политической жизни Руси. *Но наряду съ* политическимъ возвышеніемъ, Москва становится и центромъ культуры и религіозной жизни страны: здѣсь сосредоточиваются высшія церковныя учрежденія, здѣсь живутъ и высшія духовныя власти. Эти измѣненія въ жизни русскаго государства пробудили съ одной стороны національное самосознаніе русскаго народа, съ другой породили мысль, что Москва есть единственная хранительница завѣтовъ православной церкви, она есть третій Римъ. Ибо Римъ настоящій впалъ въ папизмъ, Византія потеряла самостоятельное значеніе и ея духовные руководители часто бывали подъ вліяніемъ западнаго католичества, и только Москва сохранила въ чистотѣ завѣты древней православной церкви. Отрицательное отношеніе къ Западу было нами получено по наслѣдству отъ восточной церкви. Не зная, что такое европейская культура, мы отъ византійскаго духовенства прежде всего узнали, что Западъ впалъ въ еретичество и твердо усвоили ту мысль, что отъ „латынянъ“ нужно сторониться, какъ отъ поганыхъ и что всякое сближеніе съ ними пагубно. Но усвоивъ эту мысль, русскіе люди скоро и самихъ грековъ стали заподозривать въ еретичествѣ. Этому, конечно, помогало и то, что пріѣзжавшія въ Москву представители восточной церкви часто не были на высотѣ призванія и не отличались нравственной чистотой.

Понемногу русскій человѣкъ укрѣпился въ мысли, что не ему нужно учиться у Запада или у византійцевъ, ибо „эллинская мудрость“ послѣднихъ мудрость еретическая, а наоборотъ, Москва становится центромъ, гдѣ слѣдуетъ учиться завѣтамъ православной церкви. Нѣтъ ничего удивительнаго, что всякое сближеніе съ Западомъ казалось подозрительнымъ и вызывало осужденіе и это осужденіе относилось ко всей западной культурѣ. Въ одномъ изъ поученій того времени мы читаемъ: „богомерзостенъ передъ Богомъ всякъ любяй геометрію, а се душевніе грѣхи учитеся астрологіи и эллинскимъ книгамъ, проклинаю прелесть тѣхъ, иже зрятъ на кругъ небесный“...

Такимъ образомъ усвоеніе даже свѣтскихъ знаній считалось тяжкимъ и „богомерзкимъ“ дѣломъ.

Ставши спиной къ западной культурѣ, русское общество того времени, однако, не выработало своей. Народъ былъ теменъ и невѣжественъ, его религіозныя воззрѣнія представляли изъ себя какую-то смѣсь язычества и христіанства. Но хуже всего было то, что сами его духовные руководители стояли не выше въ духовномъ отношеніи своей паствы, благодаря чему состояніе русской церкви было самое плачевное. „Стоглавъ“ въ этомъ отношеніи рисуетъ мрачную картину. Церкви часто стояли пустыми, а тамъ гдѣ совершалась служба, наблюдалось полное отсутствіе благочестія. „Попы и церковные причетники, —

говоритъ Стоглавъ, въ церкви всегда и пьяны и безъ страха стоятъ и бранятся и всякія рѣчи непотребныя исходятъ изъ устъ ихъ; попы же въ церквахъ бьются и дерутся промежъ себя". Само богослуженіе происходило совершенно безчинно: въ одно и то же время пѣли разомъ двѣ или три пѣсни, даже читали въ одно и то же время разное, въ результатѣ никто ничего не понималъ: ни тотъ кто читалъ, ни тотъ, кто слушалъ. При такихъ условіяхъ, конечно, и отъ мирянъ не было ни малѣйшаго уваженія къ церковной службѣ: входили, и стояли въ церквахъ въ шапкахъ, словно „на пиру или въ корчемницѣ, говоръ, всякое прекословіе, срамные словеса, пѣсни божественныя не слушаютъ въ глумленіи". Священники были иногда настолько невѣжественны, что не умѣли объяснить значеніе святыхъ таинъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что сущности христіанскаго ученія не понимали, а знали только обряды, точное соблюденіе которыхъ для лучшихъ изъ представителей духовенства являлось ручательствомъ чистоты ихъ православія

Непорядки церковные должны были заставить лучшихъ людей задуматься надъ мѣрами исправленія и вотъ религіозная мысль начинаетъ усиленно работать. Національное пробужденіе выдвинуло прежде всего кружокъ лицъ,—ревнителей древняго благочестія. Во главѣ этого кружка стоялъ царскій духовникъ Стефанъ Вонифантьевъ, котораго его сторонники выдвигали въ патріархи,

но который самъ уклонился отъ этого, зная неприклонное желаніе царя видѣть на патріаршемъ престолѣ Никона. Другимъ руководителемъ кружка былъ протопопъ Казанскаго собора Иванъ Неронов. Оба пользовались въ Москвѣ большимъ уваженіемъ за свой умъ и свою строгую жизнь. Въ составъ кружка входили костромской протопопъ Даніилъ, мурожскій—Логинъ, діакъ Благовѣщенскаго собора Ѳедоръ и попы романовскій Лазарь и суздальскій Никита. Всѣхъ ихъ объединяло одно желаніе: исправить недостатки церкви, но это исправленіе вести на почвѣ нашей старой церковности, а не при помощи „эллинской мудрости“. Къ этому кружку примкнулъ и знаменитый протопопъ Аввакумъ.

Пользуясь въ Москвѣ большимъ вліяніемъ и имѣя на своей сторонѣ тогдашняго патріарха Іосифа, они скоро получили въ свои руки главнѣйшее дѣло церковной реформы: исправленіе церковныхъ книгъ. Будучи сами только церковными начетчиками и не зная иныхъ книгъ кромѣ тѣхъ, по которымъ сами учились, они въ дѣло исправленія ничего не могли внести новаго, а только своимъ авторитетомъ закрѣпляли тѣ ошибки, которыя уже были сдѣланы. Вмѣстѣ съ тѣмъ они теоретически закрѣпили тѣ особенности, которыя образовались въ русской церкви въ отличіе отъ восточной, какъ-то: двуперстный крестъ, сугубую аллилуйю и т. д.

Но наряду съ враждебно отрицательнымъ отно-

шеніемъ къ Западу, въ русскомъ обществѣ уже въ то время пробудилось сознаніе отсталости и необходимости усвоенія европейскаго просвѣщенія. Въ этомъ направленіи усиленно работалъ боярин Ртищевъ. Правда въ его домѣ свободно сходились сторонники того и другого направленія и самъ онъ охотно выслушивалъ мнѣнія защитниковъ старины, но душа его лежала къ тѣмъ, кто говорилъ о преобразованіяхъ и о сближеніи съ Западомъ. Въ 1649 году Ртищевъ пригласилъ въ устроенный имъ въ Москвѣ Андреевскій монастырь нѣсколькихъ ученыхъ иноковъ изъ Кіева. Во главѣ пріѣхавшихъ всталъ Епифаній Славинецкій, про котораго тогда говорили, что онъ „въ философіи и богословіи изящный дидаскалъ и искуснѣйшій въ эллино греческомъ и славянскомъ діалектахъ“. Славинецкій и его товарищи устроили при монастырѣ школу; тамъ преподавали: греческій языкъ, латынь, риторику, начатки богословія.

Передъ ученостью пріѣхавшихъ монаховъ померкла книжная мудрость доморощенныхъ книжниковъ и нѣтъ ничего удивительнаго, что многіе изъ молодежи стали ревностно заниматься подъ руководствомъ новыхъ учителей. Но дѣятельность Славинецкаго и товарищей скоро вызвала рѣзкое порицаніе со стороны ревнителей древняго благочестія. Дѣло въ томъ, что пріѣхавшіе монахи не только учили, но и критиковали тѣ отступленія, которыя воплотились въ русской церкви, а это естественно вызывало вражду поклонни-

ковъ старины. При такихъ условіяхъ вступилъ Никонъ на патріаршій престолъ.

Вначалѣ Никонъ самъ держался тѣхъ же воззрѣній, что и кружокъ Ванифантьева и Неронова; принявшись теперь за исправленіе церковныхъ недостатковъ, онъ скоро, однако, убѣдился, что русская церковь, дѣйствительно, отступила отъ обычаевъ древней восточной церкви, а убѣдившись въ этомъ, онъ круто повернулъ въ сторону враговъ старины.

Такъ между Никономъ и кружкомъ Ванифантьева и Неронова началась борьба.

VII.

Протопопъ Аввакумъ.

Въ 1651 году въ кружкѣ Ванифатьева и Ивана Неронова появился новый человѣкъ—протопопъ г. Юрьевца Аввакумъ. Онъ и раньше бывалъ въ Москвѣ, но послѣ бѣгства изъ Юрьевца поселился въ Москвѣ окончательно. Это былъ худощавый, первый человѣкъ, убѣжденный фанатикъ старой обрядовой вѣры, готовый отдать за свои убѣжденія жизнь. Благодаря своей энергіи, убѣжденности и богословской начитанности, онъ сразу занялъ выдающееся положеніе въ кружкѣ.

Аввакумъ былъ сынъ священника с. Григорова, за рѣкой Кудьмой въ Княгининскомъ уѣздѣ, Нижегородской губ. Родился въ 1620 году. Его отецъ, григоровскій священникъ о. Петръ, страдалъ порокомъ пьянства, или по выраженію Ав-

вакума, „прилежаше питія хмѣльнаго“. Такимъ образомъ отецъ не могъ оказать хорошаго вліянія на мальчика. Зато о матери у Аввакума сохранились самыя лучшія воспоминанія. Онъ о ней говорилъ всегда съ большимъ уваженіемъ, какъ о великой „поствицѣ и молитвенницѣ“. Послѣ смерти мужа она, дѣйствительно, постриглась въ монахини. Среди этихъ двухъ вліяній и воспитывался будущій вождь раскольниковъ: мать ему говорила о святой жизни древнихъ отшельниковъ, предостерегала его отъ соблазновъ міра, а отецъ, какъ бы своей жизнью иллюстрировалъ эту грѣховность жизни и былъ назидательнымъ примѣромъ. Рано Аввакумъ съ помощью матери научился грамотѣ и пристрастился къ чтенію. И когда онъ выступилъ на общественное поприще, то обнаружилъ громадную начитанность въ тогдашней русской духовной литературѣ.

Когда мальчикъ подросъ, то мать задумала женить его. Подчиняясь ея волѣ, Аввакумъ молилъ только Богородицу, чтобы она дала жену „помощницу ко спасенію“. Выборъ матери остановился на дѣвушкѣ того же села сироткѣ Настѣ. Это была тихая религіозная дѣвушка. Ее всегда можно было видѣть въ церкви за усердной молитвой. Настя давно знала Аввакума и полюбила его, только не рѣшалась признаться ни себѣ, ни людямъ въ своемъ чувствѣ.

Мечта Аввакума сбылась: онъ нашелъ себѣ въ женѣ единомышленницу и любящаго друга.

После смерти матери Аввакумъ переселился изъ своего села въ село Лопатицы, гдѣ онъ на 21 году былъ поставленъ въ дьяконы, а черезъ два года въ священники. Здѣсь онъ со всѣмъ пыломъ, свойственнымъ его страстной натурѣ, отдался своему новому служенію. Онъ строго соблюдалъ всѣ правила службы, ввелъ единогласіе. Неуклонно наблюдалъ за тѣмъ, чтобы во время службы соблюдался полный порядокъ и не было разговоровъ. Изобличалъ публично пороки своихъ односельчанъ.

Въ концѣ концовъ обличенія Аввакума создали ему много враговъ и онъ долженъ былъ бѣжать изъ своего села въ Москву искать тамъ себѣ защиты. Здѣсь онъ вошелъ въ кружокъ Ванифатьева и Неронова, былъ представленъ царю и; получивъ царскую охранную грамоту, возвратился въ свою деревню. Теперь онъ сталъ дѣйствовать еще смѣлѣе. Но его страстность и деспотизмъ, который онъ проявлялъ въ преслѣдованіи пороковъ, привели къ тому, что ему пришлось оставить с. Лопатицы навсегда. Его друзья выхлопатали ему мѣсто въ Юрьевцѣ-Подольскомъ.

Аввакумъ и здѣсь сталъ проповѣдывать то, что и въ Лопатицахъ. Чѣмъ болѣе было препятствій, борьбы, тѣмъ болѣе разгоралась его ревность. Кончилось тѣмъ, что противъ его суровыхъ требованій и деспотизма поднялся весь городъ. Вспыхнуло цѣлое возмущеніе. Къ Патріаршему приказу, гдѣ Аввакумъ занимался дѣлами,

явилась цѣлая толпа народа, до полуторы тысячъ человѣкъ, мужчины съ ботогами, бабы съ рычагами. Они потребовали, чтобы Аввакумъ вышелъ къ нимъ. Когда смѣлый протопопъ показался на крыльцѣ, его схватили и стали бить. Навѣрное Аввакумъ былъ бы убитъ, если бы вовремя не прибѣжалъ воевода съ пушкарями и не отбилъ его отъ толпы.

Ярость народа была такова, что къ дому, гдѣ лежалъ избитый протопопъ, пришлось поставить для охраны стражу.

Два дня почти безъ памяти пролежалъ Аввакумъ, а кругомъ на улицахъ подучиваемый попами—противниками Аввакума—шумѣлъ народъ.

— Убить его, а тѣло бросить въ ровъ собакамъ!—кричали въ толпѣ.

Съ тоской прислушивался Аввакумъ къ долетавшимъ до него слухамъ и творилъ молитву.

На третій день, немного оправившись, благословивъ жену и дѣтей, ночью, когда всѣ спали, Аввакумъ тайно бѣжалъ изъ Юрьевца. Онъ сначала зашелъ въ Кострому, гдѣ думалъ немного отдохнуть у своего пріятеля, единомышленника протопопа Даніила. Но придя туда, узналъ, что и Даніила постигла та же участь: его тоже прихожане изгнали изъ прихода. Пришлось Аввакуму идти прямо въ Москву. Теперь онъ навсегда остался въ Москвѣ и сталъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ кружка Ваниѳатьева и Неронова.

VIII.

Разрывъ.

Задумавъ продолжать исправленіе книгъ, начатое еще предшественниками и разочаровавшись въ старыхъ „справщикахъ“, Никонъ немедленно обратился къ тѣмъ, кто, по его мнѣнію, былъ болѣе свѣдущъ въ этомъ дѣлѣ: къ Славенецкому и его товарищамъ. Старые „справщики“ были устранены. Это былъ первый ударъ, нанесенный Никономъ членамъ кружка Неронова, ибо исправленіе книгъ было главнымъ образомъ въ ихъ рукахъ. Этотъ ударъ былъ тѣмъ неожиданнѣе, что Никона въ кружкѣ Неронова считали своимъ человѣкомъ. Нероновъ и его сторонники приняли вызовъ и отвѣтили рѣзкой критикой всей дѣятельности пріѣхавшихъ малороссовъ, а съ ними и Никона.

Но скоро ихъ ждало еще большее огорченіе.

Какъ то Великимъ постомъ 1653 г. Аввакумъ сидѣлъ у себя дома среди семьи, читалъ по обыкновенію священное писаніе, какъ въ дверь кто-то поспѣшно и нервно постучалъ. Вошелъ протопопъ Нероновъ. Онъ былъ взволнованъ, отчего лицо его побѣдпѣло и мѣстами покрылось красными пятнами.

— Что съ тобой? — спросилъ встревоженный Аввакумъ.

Нероновъ молча подалъ указъ Никона, гдѣ предписывалось не творить земныхъ поклоновъ

въ четыредесятницу, исключая лишь четырехъ больныхъ при чтеніи молитвъ Ефрема Сирина, и креститься тремя перстами, а не двумя.

— Что онъ пишетъ? — взволнованно сказалъ Аввакумъ,—да вѣдь онъ до сихъ поръ самъ крестился двумя перстами, и всѣ наши святые крестились также!..

Друзья были потрясены и долго молчали.

— Что же теперь дѣлать? — спрашивалъ въ тоскѣ Аввакумъ.

— Молиться,—отвѣтилъ Неронов.—Поручаю тебѣ мою церковь, а самъ пойду въ Чудовъ и буду молиться, пусть Богъ внушитъ мнѣ, что дѣлать.

Неронов ушелъ. Долго не спалъ въ эту ночь Аввакумъ. Когда же засвѣтилась заря, палъ на колѣни и сталъ молиться.

— Время приспѣ страданья! — сказалъ онъ себѣ, кончая молитву,—подобаетъ намъ неослабно страдати!..

Волненіе кружка Неронова передалось и въ женскую половину царскаго терема. Тамъ цѣнили и уважали какъ Неронова, такъ и Аввакума и вполнѣ сочувствовали ихъ взглядамъ. Страстныя рѣчи Аввакума производили неизгладимое впечатлѣніе. Самъ царь Алексѣй Михайловичъ не разъ приходилъ послушать бесѣды протопопа и уходилъ всегда въ большомъ смущеніи: въ глубинѣ души онъ сочувствовалъ Аввакуму, преклонялся передъ его фанатической

преданностью церкви и готовностью пострадать за вѣру, но съ другой стороны онъ еще вѣрилъ своему „собинному другу“ и находился подъ его вліяніемъ.

— Гдѣ же правда?—не разъ съ тоской онъ спрашивалъ себя и не находилъ въ своей душѣ отвѣта.

Вскорѣ послѣ указа Аввакумъ пришелъ на женскую половину. Тамъ уже знали обо всемъ.

— Что, какъ вы теперь? — засыпала его вопросами царица.

— Тяжелые дни, матушка царица, тяжелые дни пришли!..—отвѣтилъ протопопъ, здороваясь съ ней.

— А вы то какъ же?

— Что же мы? Собрались всѣ, задумались; видимъ, яко зима хощетъ быти: сердце озябло и ноги задрожали. Нероновъ приказалъ мнѣ взять на себя церковь, а самъ одинъ ушелъ въ Чудовъ—седьмицу въ палаткѣ молился. И тамъ ему отъ образа гласъ былъ во время молитвы: время приспѣ страданія... Подобаетъ намъ неослабно страдати...

— О, Господи!—вздохнула царица.

— Будемъ страдать, но не покоримся еретику,—твердо сказалъ Аввакумъ.

— Вотъ что, царица матушка,—продолжалъ Аввакумъ,—рѣшили мы царю челобитную подать. Пусть онъ, голубчикъ, услышитъ и наше слово. Авось образумитъ Ирода-Никона. Не передашь ли царю то?

— Передамъ, о. Аввакумъ, обязательно передамъ,—отвѣтила царица, беря изъ рукъ Аввакума челобитную.—Охъ, ужъ мнѣ Никонъ! Грѣшница, не люблю я его...

Царь принялъ отъ царицы челобитную, прочиталъ, вздохнулъ и передалъ ее Никону. Патріархъ оставилъ ее безъ отвѣта...

Борьба началась. Первымъ за свои смѣлыя выступленія противъ Никона поплатился Нероновъ. Сначала онъ лишенъ былъ скуфьи и заточенъ въ Симоновъ монастырь, а потомъ, 4 августа 1653 года, былъ отправленъ въ Вологду, въ Спасокаменный монастырь.

Съ ссылкой Неронова у кружка его былъ отнятъ признанный руководитель, ибо о. Ванифантьевъ, какъ человѣкъ старый, чуждавшійся борьбы, не могъ быть руководителемъ. Роль руководителя невольно перешла къ протопопу Аввакуму. Но его руководительство не всѣми было признано. Съ одной стороны, столичнымъ священникамъ не хотѣлось видѣть въ провинціальномъ протопопѣ своего вождя, съ другой стороны, они еще не теряли надежды примириться съ Никономъ и не хотѣли обострять отношеній. Между тѣмъ Аввакумъ сразу занялъ непримиримую позицію. Его страстная натура фанатика не мирилась ни съ какими компромиссами.

Скоро на этой почвѣ у него произошелъ полный разрывъ съ попами Казанскаго собора. Они отказались признать его главенство и предложили стать ему рядовымъ священникомъ.

— Мы не будемъ тебѣ подчиняться, — говорили они,—ты много лишняго говоришь въ своихъ поученіяхъ народу, рѣзко нападаешь на церковныхъ властей!

— Но вѣдь я протопопъ, а вы простые попы,—возражалъ Аввакумъ,—и Нероновъ поручилъ мнѣ церковь!

— Протопопъ ты въ Юрьевцѣ, а не въ Москвѣ,—отвѣчали ему,—а что касается Неронова, то онъ ничего не говорилъ о томъ, что мы должны подчиниться тебѣ!

Видя, что уговорами не поможешь, Аввакумъ совсѣмъ удалился изъ церкви, ушелъ въ домъ Неронова и тамъ сталъ совершать службу. На недоумѣвающіе вопросы прихожанъ, почему служба происходитъ въ домѣ, а не въ церкви, сторонники Аввакума отвѣчали.

— Молиться можно вездѣ, а въ иную пору и конюшня лучше церкви бываетъ.

Смѣлость Аввакума, его проповѣди, въ которыхъ было такъ много убѣжденія въ своей правотѣ, привлекли къ нему много народа. У него были искренніе фанатически преданные ему сторонники. А уходъ его изъ собора только освободилъ его отъ ненадежнаго, колеблющагося элемента.

— Святой жизни человѣкъ! — говорили про него всѣ, кто съ нимъ соприкасался.

Тяжело иногда было на душѣ у Аввакума въ это время упорной и страстной борьбы съ Ни-

комъ. Онъ не могъ не предвидѣть того тяжелаго конца, который его ожидалъ. Если не церемонились съ Нероновымъ, то тѣмъ болѣе, конечно, не будутъ церемониться съ нимъ, провинціальнымъ протопопомъ. Личная судьба его не пугала, онъ готовъ былъ претерпѣть за вѣру всякія страданія, но судьба семьи смущала его душу. Въ эти мрачныя минуты тяжелаго раздумья и колебаній его жена оказалась истиннымъ другомъ и товарищемъ.

— О насъ не думай,—говорила она Аввакуму, —мы проживемъ какъ-нибудь. Иди своей дорогой, защищай вѣру отъ еретиковъ,

И въ ея простыхъ, но искреннихъ словахъ Аввакумъ почерпалъ новыя силы для борьбы.

Эта нравственная поддержка ему скоро понадобилась. Начавъ борьбу съ противниками церковной реформы, Никонъ не могъ оставить въ покоѣ главу движенія протопопа Аввакума. Онъ рѣшилъ отъ него освободиться.

13 августа, въ субботу, въ сушилкѣ дома Неронова, гдѣ Аввакумъ устроилъ церковь, собрался народъ, чтобы „о Господи побдѣти“. Собралось около 100 человѣкъ. Служба началась, и собравшіеся усердно молились Богу.

Вдругъ на улицѣ раздался шумъ. Забѣгали, замѣтались испуганныя лица.

— Стрѣльцы пришли! — крикнулъ кто-то въ толпѣ. Въ это время патріаршій бояринъ Борисъ Нелединскій съ стрѣльцами вошелъ въ сушильню.

Аввакумъ прервалъ службу.

— Какъ ты смѣлъ ворваться сюда и прервать службу?—строго спросилъ Аввакумъ Шелединскаго.

— Я пришелъ по приказу патріарха, чтобы тебя арестовать!

Съ этими словами онъ приказалъ стрѣльцамъ схватить протопопа. Вопль и плачъ раздался въ толпѣ.

— Увозятъ отъ насъ нашего батюшку!—кричали, заливаясь слезами, бабы.

Въ сушилкѣ начался ропотъ и угрожающіе крики. Стрѣльцы бросились на Аввакума, сорвали съ него эпитрахиль, и такъ какъ протопопъ взять себя не давалъ, то его свалили съ ногъ и стали бить. Сторонники Аввакума бросились защищать его, началась схватка, въ результатѣ было арестовано до 33 человѣкъ. Всѣхъ ихъ, связанныхъ и избитыхъ ,привели на патріаршій дворъ. Всю дорогу ихъ провожала громадная толпа народа, сочувствовавшая Аввакуму и его товарищамъ.

Аввакума заковали въ цѣпь, свезли въ Андроньевъ монастырь и бросили въ темный погребъ. Три дня и три ночи сидѣлъ здѣсь протопопъ, его враги не давали ему ни пищи, ни воды. Было жутко сидѣть, сыро и холодно. Вспоминались ему слова, слышанныя Нероновымъ:

— Время приспѣ страданія! Подобаетъ вамъ неослабно страдати!

— Да, думалъ Аввакумъ, — будемъ страдать, ибо пришло къ тому время.

На третій день Аввакумъ услышалъ шорохъ у двери. Дверь чуть-чуть отворилась и кто-то вошелъ неизвѣстный и молча положилъ около него чашку щей и хлѣбъ и такъ же тихо скрылся, какъ и вошелъ.

— Богъ не забываетъ,—подумалъ Аввакумъ и принялся, перекрестившись, за трапезу.

На третій день монастырскія власти попытались склонить Аввакума къ примиренію съ патріархомъ, но встрѣтили рѣзкій отпоръ.

Тогда Аввакума отдали подъ начало, для него начались физическія страданія. Но страданія только укрѣпили Аввакума въ убѣжденіи бороться до конца: онъ твердо стоялъ на своемъ и не шелъ ни на какой компромиссъ.

Видя, что Аввакумъ отъ своихъ убѣжденій не откажется, Никонъ рѣшился прибѣгнуть къ болѣе крутымъ мѣрамъ.

15 сентября Аввакума, скованнаго, на телѣгѣ привезли въ Успенскій соборъ. Было утро, пріѣхали рано, и протопопъ, оборванный и грязный сидѣлъ на ступенькахъ храма. Понемногу собирался народъ. Аввакума узнали и выражали ему сочувствіе. Стало собираться духовенство, пріѣхалъ царь, увидѣлъ Аввакума, остановился въ нерѣшительности, хотѣлъ подойти, но потомъ раздумалъ и прошелъ въ церковь.

Аввакума рѣшено было разстричь и сослать.

Протопопа ввели въ соборъ и приготовились къ его разстриженію, какъ вдругъ царь сошелъ съ своего мѣста и попросилъ подождать. Потомъ онъ обратился къ Никону и сталъ просить его не разстригать протопопа.

— Царица и я будемъ очень огорчены, если Аввакумъ будетъ разстриженъ,—сказалъ царь.

Никонъ не захотѣлъ идти противъ желанія царя, и разстриженіе Аввакума было отмѣнено. Его сослали въ Сибирь.

IX.

Паденіе Никона.

Война съ Польшей, которую велъ Алексѣй Михайловичъ, отвлекла его вниманіе отъ внутреннихъ дѣлъ. Находясь при войскѣ, царь всѣ дѣла передалъ патріарху. Такимъ образомъ, Никонъ сталъ неограниченнымъ правителемъ. Моровая язва и заботы Никона о царскомъ семействѣ еще больше возвысили Никона въ глазахъ царя; въ благодарность за это онъ волѣлъ ему именоваться „великимъ государемъ“. Теперь вездѣ въ всѣхъ пріемахъ Никонъ сидѣлъ рядомъ съ царемъ и имъ воздавали почти одинаковыя почести. Но скоро между друзьями началось охлажденіе. Въ душу царя оно пришло незамѣтно, но скоро стало прочнымъ настроеніемъ. За время войны Алексѣй Михайловичъ отвыкъ отъ опеки Никона, привыкъ къ самостоятельности, а у Никона, наоборотъ, еще больше развились черты самовластья.

Конфликтъ долженъ былъ быть неизбѣжнымъ. Настроеніемъ царя воспользовались враги Никона и постарались довести начавшееся охлажденіе до конца.

Лѣтомъ 1658 г. въ Москву пріѣхалъ грузинскій царь Теймуразъ. Былъ данъ торжественный обѣдъ, на который патріарха не пригласили. Такова была первая обида, нанесенная Никону. За этой обидой была нанесена вторая. Въ этотъ же день царскій гость въ церемоніальномъ шествіи направлялся къ столу. Окольничій Богданъ Хитрово расчищалъ ему путь.

— Дорогу, дорогу!—кричалъ онъ, помахивая палкой и разгоняя толпу любопытныхъ.

Въ толпѣ оказался патріаршій стряпчій князь Мещерскій. Хитрово ударилъ и его.

— Напрасно бьешь меня, Богданъ Матвѣевичъ,— замѣтилъ ему Мещерскій,—я не просто сюда пришелъ, а за дѣломъ!

Но Хитрово уже зналъ объ отношеніи царя къ патріарху. Сдѣлавши видъ, что не узналъ Мещерскаго, Хитрово спросилъ его:

— Кто ты?

— Патріаршій человѣкъ и посланъ за дѣломъ, —отвѣтилъ стряпчій.

— Не дорожись патріархомъ!—крикнулъ ему Хитрово и ударилъ его еще разъ по головѣ палкой.

Мещерскій бросился къ патріарху и со слезами на глазахъ сталъ жаловаться на обиду. Никонъ былъ возмущенъ поведеніемъ царскаго окольничьяго и написалъ царю письмо, въ которомъ

просилъ удовлетворенія за обиду. Царь отвѣтилъ также письмомъ, въ которомъ обѣщалъ разобрать дѣло. Но прошло нѣсколько дней, а удовлетворенія Никонъ не получилъ.

Наступило 8-е іюля, праздникъ Казанской Божьей Матери. Этотъ праздникъ чтился, и на торжественномъ богослуженіи обыкновенно присутствовалъ царь. Но на этотъ разъ Алексѣй Михайловичъ не пришелъ ни на одну службу, не былъ и за крестнымъ ходомъ. 10 іюля, въ праздникъ ризы Господней, повторилось то же самое. Никонъ послалъ спросить, будетъ ли царь у всенощной. Съ отвѣтомъ отъ царя явился стольникъ князь Юрій Ромодановскій. Только недавно пресмыкавшійся передъ Никономъ, Ромодановскій грубо заявилъ Никону:

— Царское величество на тебя гнѣвенъ, оттого и не пришелъ къ заутренѣ и повелѣлъ не ждать его къ святой литургіи.

— За что же царь на меня гнѣвается?—спокойно спросилъ патріархъ.

— Ты пренебрегъ его царскимъ величествомъ,— отвѣтилъ посланный,—пишешься великимъ государемъ, а у насъ единъ великій государь—царь!

Никонъ былъ пораженъ отвѣтомъ: онъ понялъ, что ищутъ повода къ разрыву.

— Я называюсь великимъ государемъ не собою,—возразилъ съ достоинствомъ патріархъ,— такъ восхотѣлъ и повелѣлъ мнѣ его величество. На это у меня и грамоты есть, написанныя рукою его царскаго величества.

Посланный не смутился и рѣзко отвѣтилъ.

— Царское величество почтилъ тебя, яко отца и пастыря, а ты этого не уразумѣлъ. А нынѣ царское величество велѣлъ тебѣ сказать: отнынѣ не пишись и не называйся великимъ государемъ, почитать тебя впредь не будетъ!

Съ этими словами Ромодановскій ушелъ отъ Никона.

Въ тяжеломъ раздумьѣ эту ночь провелъ Никонъ. Онъ своимъ яснымъ умомъ хорошо понималъ, что это разрывъ и возврата къ прошлому нѣтъ,—враги побѣдили.

— Что же теперь дѣлать?—думалъ Никонъ. Оставаться патріархомъ, — значитъ быть игрушкой въ рукахъ враждебно настроенныхъ бояръ; ждать, когда тебя, обезсиленнаго, прогонятъ на посмѣшище тѣхъ, кто вчера пресмыкался?..

И Никонъ ясно представилъ себѣ торжество его враговъ, насмѣшки, издѣвательства.

— Хитрово и Ромодановскій уже поднялись, лягнули,—вспомнилъ онъ.

— Нѣтъ, лучше самому уйти съ честью!

Въ эту ночь онъ долго молился и когда кончилъ, лицо его стало спокойно и рѣшительно.

На утро духовенство уже собралось въ Успенскомъ соборѣ.

Ждали Никона. Всѣ были взволнованы распрей между царемъ и патріархомъ, многіе ехидно подсмѣивались надъ Никономъ.

— Пора сократить мордвина!—злобно говорили они.

Скоро пріѣхалъ патріархъ и спокойно прошелъ въ алтарь. Стали готовиться къ службѣ. Никонъ велѣлъ ризничему принести посохъ св. Петра митрополита, а подьяконамъ и поддьякамъ надѣть новые лучшіе стихари. Когда все было готово, Никонъ съ посохомъ въ рукахъ вошелъ въ соборъ и сталъ служить литургію. По сосредоточенному спокойствію Никона, по его блѣдному лицу, по отданнымъ имъ приказаніямъ всѣ невольно почувствовали, что готовится что-то необыкновенное, всѣхъ охватило безпокойство.

По принятіи святыхъ тайнъ Никонъ вошелъ въ алтарь и сталъ тамъ писать. Это было письмо къ царю: „Се вижу на мя гнѣвъ твой умноженъ безъ правды, писалъ онъ, и того ради и соборовъ святыхъ во святыхъ церквахъ лишаешись, азъ же пришлецъ есмь на земли; и се нынѣ, помнная заповѣдь Божію, дая мѣсто гнѣву, отхожу отъ мѣста и града сего, и ты имаши отвѣтъ передъ Господомъ Богомъ о всемъ дати“.

— Да, да, дая мѣсто гнѣву, отхожу отъ мѣста и града сего!—повторилъ онъ, отдавая письмо ризничему для отсылки царю.

Къ обѣднѣ ризничій вернулся: царь прочиталъ письмо и вернулъ его Никону безъ отвѣта.

— Позови сюда ключаря,—сказалъ Никонъ.

Когда ключарь пришелъ, то Никонъ велѣлъ ему поставить у церковныхъ дверей по сторожу и не выпускать изъ церкви народъ.

— Скажи, что поученіе будетъ!

Когда служба кончилась, Никонъ вышелъ къ народу. Сначала онъ прочиталъ одно поученіе Златоуста, а потомъ неожиданно обратился къ народу съ слѣдующимъ заявленіемъ:

— Свидѣтельствую передъ Богомъ, передъ святою Богородицею и всѣми святыми, если бы великій государь не обѣщался непреложно хранить св. евангеліе и заповѣди апостоловъ и святыхъ отцовъ, то я не помыслилъ бы принять санъ патріарха; но великій государь далъ обѣщаніе здѣсь въ храмѣ предъ Господомъ Богомъ, предъ святымъ чудотворнымъ образомъ пресвятыя Богородицы и предъ всѣми святыми, предъ всѣмъ священнымъ соборомъ и всѣми людьми, и пока царское величество пребывалъ въ своемъ обѣщаніи, повинуясь святой церкви, мы терпѣли; теперь же, когда великій государь измѣнилъ своему обѣщанію и на меня гнѣвъ положилъ неправедно, яко же вѣсть Господь, оставляю я мѣсто сіе и градъ сей и отхожу отсюда, дая мѣсто гнѣву.

Голосъ Никона звучалъ строго и сурово. Всѣ, затаивъ дыханіе, молчали и напряженно ждали, чѣмъ это кончится. А Никонъ обвелъ глазами застывшую въ молчаніи паству и сказалъ болѣе мягкимъ голосомъ.

— Да и я сталъ лѣнивъ, не гожусь быть патріархомъ, окоростенѣлъ отъ лѣни и вы окоростенѣли отъ моего неученія. Называли меня еретикомъ, иконоборцемъ, что я новыя книги завелъ, камнями хотѣли меня побить... Съ этихъ поръ я вамъ не патріархъ...

Сказавъ это, Никонъ снялъ съ себя омофоръ и саккосъ и, положивъ все это на аналой, пошелъ въ алтарь въ одномъ стихарѣ и велѣлъ принести мѣшокъ съ простымъ монашескимъ одѣяніемъ.

Народъ былъ взволнованъ рѣчью патріарха. Правда, многіе его ненавидѣли, но всѣ въ глубинѣ души чувствовали къ нему уваженіе. Поднялся ропотъ, кое-гдѣ плачъ женщинъ. Послали сообщить о происшедшемъ царю.

Никонъ вышелъ изъ алтаря въ простомъ монашескомъ одѣяніи, народъ окружилъ его плотнымъ кольцомъ.

— На кого ты насъ покидаешь?—голосили бабы.

— Богъ и пресвятая Богородица дастъ вамъ пастыря и отца!—отвѣчалъ взволнованный Никонъ и хотѣлъ идти къ дверямъ. Но двери оказались запертыми и народъ не пустилъ его

— Подожди, что скажетъ государь!—кричали въ толпѣ.

Самъ царь не пришелъ, но прислалъ двухъ враговъ Никона кн. Трубецкого и Стрѣшнева.

Едва пробравшись сквозь толпу народа, Трубецкой спросилъ Никона:

— Для чего ты патріаршество оставляешь? Кто тебя гонитъ?

— Я оставляю патріаршество самъ собою, никто меня не гонитъ,—отвѣтилъ Никонъ и вручилъ присланнымъ второе письмо къ царю.

Посланные удалились, но черезъ нѣкоторое время вернулись, и Трубецкой заявилъ отъ имени царя:

— Царское величество велѣлъ тебѣ передать, чтобы ты не покидалъ своего мѣста и должности.

Никонъ посмотрѣлъ на нихъ, подумалъ и спокойно сказалъ:

— Даю мѣсто царскому гнѣву, бояре и всякіе люди церковному чину обиды творятъ, а царское величество управы не дастъ и на насъ гнѣвается, когда мы жалуемся. А нѣтъ ничего хуже, какъ царскій гнѣвъ носить.

— Ты самъ виноватъ: называешь себя великимъ государемъ, вмѣшиваешься въ государевы дѣла,—рѣзко возразилъ Трубецкой.

— Мы,—гордо отвѣтилъ Никонъ,—великимъ государемъ не сами назывались и въ царскія дѣла не вступаемся, а развѣ о правдѣ какой говорили или отъ бѣды кого избавляли, такъ мы, архіереи, на то заповѣдь приняли отъ Господа, который сказалъ: слушая заповѣдь, меня слушаетъ.

Съ этими словами Никонъ повернулся и, опираясь на палку, пошелъ вонъ изъ собора въ Воскресенское подворье. Народъ съ плачемъ и крикомъ провожалъ его до воротъ.

Здѣсь Никонъ пробылъ два дня, ожидая, что царь пригласитъ его къ себѣ для свиданья,—такъ по крайней мѣрѣ сказали ему посланные отъ царя. Но прошло два дня, а царь не звалъ Никона, тогда патріархъ покинулъ Москву и уѣхалъ въ свой любимый Воскресенскій монастырь.

Первой мыслью Алексѣя Михаиловича было, дѣйствительно, говорить съ Никономъ и уладить

конфликтъ: онъ былъ очень смущенъ случившимся. Но окружавшіе его бояре сумѣли разстроить встрѣчу, и два бывшихъ друга разошлись навсегда...

Алексѣй Михайловичъ рѣшилъ обратиться къ суду греческихъ патріарховъ. Эту мысль ему подалъ грекъ Лигаридесъ, который посовѣтывалъ пригласить въ Москву трехъ патріарховъ, или хотя бы двоихъ. Самъ же онъ вмѣстѣ съ своимъ клевретомъ Мелетіемъ, взялъ на себя трудъ пригласить ихъ. Стараясь угодить господствовавшей тогда при дворѣ партіи, Лигаридесъ и Мелетій заранѣе рѣшили обойти приглашеніемъ патріарха Нектарія, который сочувствавалъ Никону, и пригласили Макарія антіохійскаго и Паисія александрійскаго,которые были настроены враждебно Никону.

Пока шли приготовленія къ собору, отношенія между царемъ и Никономъ опять стали лучше. Алексѣй Михайловичъ самъ понималъ, что многое про Никона говорятъ по злобѣ и что если не желательно его возвращеніе на патріаршій престолъ въ виду его взглядовъ, что власть духовная должна стоять не только рядомъ, но и выше свѣтской, то все же къ нему строго относиться не слѣдуетъ.

Этимъ настроеніемъ царя рѣшили воспользоваться друзья Никона, но сдѣлали это такъ неудачно, что навсегда испортили отношенія между Никономъ и царемъ. Боярин Зюзинъ написалъ Никону письмо, будто царь Алексѣй Михайловичъ

желаетъ его видѣть. Поэтому пусть Никонъ неожиданно пріѣдетъ безъ спросу въ Москву, отнюдь не показывая вида, что это онъ дѣлаетъ по желанію государя. А тамъ ему будетъ устроено свиданіе. Добродушный Зюзинъ думалъ, что преподнеся этотъ сюрпризъ царю, онъ сдѣлаетъ ему пріятное и тѣмъ облегчитъ примиреніе. Но случилось нѣчто, чего менѣе всего ожидалъ Зюзинъ.

Никонъ возвратился изъ поѣздки въ Воскресенскій монастырь. Онъ зналъ о постановленіи собора русскихъ іерарховъ и ему было тяжело. Когда онъ получилъ письмо отъ Зюзина, то обрадовался: борьба утомила его, ему хотѣлось покоя. Письмо Зюзина какъ разъ совпало со сномъ, который видѣлъ Никонъ: будто въ Успенскомъ соборѣ встали изъ гробовъ святители, и митрополитъ Іона собралъ ихъ подписи для призванія Никона на патріаршій престолъ. Никонъ рѣшилъ ѣхать въ Москву. 19 декабря рано утромъ патріархъ въ сопровожденіи монаховъ своего монастыря появился въ Москвѣ. Онъ проѣхалъ прямо въ Кремль къ Успенскому собору. Тамъ служили заутреню. Въ соборѣ находился блюститель патріаршаго престола, ростовскій митрополитъ Іона. Вдругъ на паперти раздался шумъ и въ дверяхъ показался высокій старецъ, въ которомъ всѣ тотчасъ узнали Никона. Среди всеобщаго переполоха Никонъ вошелъ въ храмъ, велѣлъ остановить чтеніе каѳизмъ, а дьякону

приказалъ читать ектенью. Затѣмъ взялъ посохъ митрополита Петра, приложился къ мощамъ и всталъ на патріаршее мѣсто. Все это произошло такъ неожиданно, что ни у кого не явилось даже мысли не послушаться приказаній патріарха, а нѣкоторые подумали что Никонъ помирился съ царемъ и вернулся на патріаршество. Скоро однако оправились и послали сказать о пришествіи Никона царю. Во дворцѣ пришли въ неописанное смятеніе. Алексѣй Михайловичъ растерялся и послалъ за боярами. Устроили экстренное совѣщаніе. Бояре испугались возвращенія Никона и настойчиво требовали, чтобы царь принялъ самыя рѣшительныя мѣры противъ патріарха. Алексѣй Михайловичъ склонился на сторону противниковъ Никона, и нѣсколько участниковъ совѣщанія отправились въ соборъ, чтобы потребовать отъ Никона покинуть немедленно Москву.

Посланные вошли въ соборъ къ концу службы. Служба была прекращена. При гробовомъ молчаніи стоявшаго въ церкви народа князь Одоевскій подошелъ къ Никону и, сильно волнуясь, громко заявилъ ему:

— Ты самовольно оставилъ престолъ патріарха и обѣщался впредь не быть патріархомъ; уже объ этомъ написано ко вселенскимъ патріархамъ. Зачѣмъ же ты опять пріѣхалъ въ Москву и вошелъ въ соборную церковь безъ воли государя, безъ совѣта священнаго собора? Ступай въ свой монастырь!..

Никонъ не ожидалъ такой встрѣчи и не сразу отвѣтилъ князю, но помолчавъ сказалъ.

— Я сошелъ съ патріаршества никѣмъ не гонимый и пришелъ никѣмъ незванный, чтобы государь кровь утолилъ и миръ учинилъ. Я отъ суда вселенскихъ патріарховъ не бѣгаю. Вотъ передай государю...

И Никонъ передалъ Одоевскому письмо. Одоевскій возвратился во дворецъ, гдѣ въ присутствіи духовенства письмо было прочитано. Въ немъ Никонъ разсказывалъ о своемъ сповидѣніи. Духовенство и бояре рѣшительно потребовали, чтобы Никонъ былъ немедленно удаленъ изъ Москвы. Съ этой цѣлью въ соборъ былъ посланъ грекъ Лигаридесъ съ духовенствомъ. Имъ было предписано удалить Никона, но насилія противъ него не употреблять.

Въ это время Никонъ сидѣлъ въ соборѣ въ глубокой задумчивости: онъ понялъ, что его обманули и что онъ одураченъ и униженъ, и ему было больно сознавать это. А кругомъ стоялъ народъ въ глубокомъ безмолвіи: тяжело было видѣть униженіе этого стараго человѣка, котораго хотя и боялись, но все же уважали.

Явившійся въ соборъ Лигаридесъ грубо и рѣзко потребовалъ, чтобы Никонъ немедленно уѣхалъ изъ Москвы:

— Уѣзжай изъ соборной церкви туда, откуда пріѣхалъ! заявилъ Лигаридесъ.

Съ величайшемъ презрѣніемъ Никонъ посмот-

рѣлъ на лживаго грека, но видя, что борьба безполезна, грустно склонилъ свою сѣдую голову, сошелъ съ патріаршаго мѣста, приложился къ образамъ и покорно вышелъ изъ церкви, опираясь на посохъ св. Петра. Народъ плакалъ провожая его до саней. Окруженный стрѣльцами Никонъ поѣхалъ въ Новый-Іерусалимъ. На дорогѣ его догналъ посланный отъ царя и потребовалъ посохъ Петра. Униженный и подавленный всѣмъ происшедшимъ, Никонъ не возражалъ,— онъ отдалъ посохъ воскресенскому архимандриту и велѣлъ его отвезти обратно.

Такъ неудачно кончилась попытка Никона помириться съ царемъ.

X.

Судъ надъ Никономъ.

2-го ноября въ Москвѣ былъ торжественный день: встрѣчали восточныхъ патріарховъ, пріѣхавшихъ судить Никона. Съ утра зазвонили во всѣ колокола, и духовенство съ хоругвями отправилось навстрѣчу патріархамъ. Громадная толпа народа собралась посмотрѣть на рѣдкое зрѣлище. По окончаніи церемоніи пріема патріархи стали знакомиться съ матеріалами по дѣлу Никона. Въ помощь имъ былъ назначенъ Лигаридесъ и нѣсколько другихъ священниковъ. Лигаридесъ былъ назначенъ докладчикомъ по дѣлу и постарался внушить патріархамъ предвзятое отношеніе къ Никону.

Засѣданіе собора было открыто торжественно. Послѣ установленныхъ молитвъ всѣ: представители духовенства, боярства и самъ царь усѣлись на предназначенныхъ каждому мѣстахъ. Царь приказалъ ввести Никона. Двери отворились и впереди показался клирикъ, несшій крестъ, а за нимъ самъ Никонъ въ полномъ облаченіи. Его фигура была такъ величественна, а лицо такъ строго, что всѣ присутствующіе невольно при его появленіи встали. Никонъ прочиталъ молитву и поклонился царю и духовенству. Алексѣй Михайловичъ разстерялся. Онъ, правда, не думалъ, что Никонъ придетъ и смиренно будетъ ждать приговора, но все же видъ гордаго старца смутилъ его. Онъ указалъ ему мѣсто среди іерарховъ, находя неудобнымъ, чтобы онъ сидѣлъ рядомъ съ патріархами.

— Благочестивый государь,—отвѣтилъ съ иронією Никонъ, я не принесъ съ собою мѣста. Буду говорить стоя! И онъ гордый и величественный въ теченіе всего собора стоялъ передъ царемъ и патріархами, а передъ нимъ клирикъ держалъ крестъ.

— Зачѣмъ я призванъ на это собраніе?—спокойно спросилъ бывшій патріархъ, опираясь на свой посохъ.

Тогда Алексѣй Михайловичъ поднялся съ своего мѣста и сталъ быстро, волнуясь и захлебываясь отъ волненія жаловаться на Никона. Онъ обвинялъ Никона въ томъ, что тотъ самовольно безъ

всякихъ основаній оставилъ патріаршество, и церковь осталась безъ главы; что онъ въ письмахъ дурно отзывался о немъ, — царѣ, что жестоко обращался съ подчиненными. Послѣ рѣчи царя начался допросъ Никона. Каждый изъ противниковъ патріарха старался что-нибудь вспомнить порочащее Никона. А такихъ фактовъ при самовластномъ вспыльчивомъ характерѣ Никона, при его неумѣньи сдерживаться было не мало. Много было въ томъ, что разсказывали, правды, но не мало и клеветали. Никону трудно было защищаться, и усталый и измученный онъ обратился, наконецъ, къ царю.

— Государь, десять лѣтъ приготовляли то, въ чемъ хотятъ сегодня меня обвинить... и никто не можетъ промолвить ни слова, никто не отверзаетъ устъ. Тщетны всѣ помыслы: повели имъ побить меня камнями,—они тотчасъ исполнятъ приказъ Если же и еще десять лѣтъ будутъ выдумывать клеветы, то и тогда ничего не найдутъ противъ меня!

Приговоромъ патріарховъ Никонъ былъ лишенъ патріаршества и священства и въ качествѣ простого инока заточенъ въ монастырь. 12 декабря патріархи, члены собора и нѣсколько бояръ собрались въ церкви Благовѣщенія Чудова монастыря для объявленія приговора надъ Никономъ. Скоро привезли Никона. Онъ вошелъ величественный и спокойный, на немъ была мантія и черный клобукъ съ жемчужнымъ крестомъ. Лига-

рядесъ прочиталъ приговоръ по-гречески, а митрополитъ Иларіонъ по-русски.

Никонъ спокойно выслушалъ приговоръ.

— Если я достоинъ осужденія—сказалъ гордый старикъ своимъ судьямъ,—то зачѣмъ вы, какъ воры, привезли меня тайно въ эту церковь? Зачѣмъ здѣсь нѣтъ его царскаго величества и всѣхъ его бояръ? зачѣмъ нѣтъ всенароднаго множества людей Россійской земли? развѣ я въ этой церкви принялъ пасторскій жезлъ? Нѣтъ, я принялъ патріаршество отъ соборной церкви, передъ всенароднымъ множествомъ, не по моему желанію и старанію, но по прилежнымъ и слезнымъ моленьямъ царя. Туда меня ведите и тамъ дѣлайте со мною, что хотите!

— Все равно, здѣсь или тамъ, отвѣтили ему, приговоръ объявляется по волѣ царя и всего собора.

Послѣ этого съ Никона сняли клобукъ и панагію. Тяжело было старику отдавать эти знаки патріаршаго достоинства и онъ сказалъ въ раздраженіи своимъ противникамъ:

— Возьмите это себѣ, раздѣлите жемчугъ между собою, достанется каждому золотниковъ по пяти, по шести, сгодится вамъ на пропитаніе на нѣкоторое время. Вы, бродяги, турецкіе невольники, шатаетесь всюду за милостыней, чтобы было чѣмъ дань заплатить султану.

Съ какого-то грека, подвернувшагося тутъ, сняли клобукъ и надѣли на Никона и въ такомъ видѣ вывели изъ церкви.

— Никонъ, отчего это тебѣ все приключилось? спрашивалъ вслухъ себя бывшій патріархъ, садясь въ сани. Не говори правды, не теряй дружбы, говорилъ Никонъ. Если бы ты давалъ богатые обѣды и вечерялъ съ ними, то не случилось бы съ тобою этого!..

Никону былъ назначенъ отдаленный Ферапонтовъ Бѣлозерскій монастырь. 13 декабря былъ назначенъ выѣздъ. Было морозно, царь прислалъ Никону шубу и денегъ.

— Его царское величество прислалъ тебѣ это — сказалъ ему привезшій подарки Стрѣшневъ, потому, что ты шествуешь въ путь дальній.

— Возврати все это пославшему тебя! отвѣтилъ Никонъ, и скажи, что Никонъ ничего не требуетъ!

— Его величество проситъ прощенія и благословенія, заявилъ Стрѣшневъ.

— Будемъ ждать суда Божія, былъ отвѣтъ.

Москва была въ большомъ волненіи по случаю суда надъ Никономъ. Собирались толпами около дома, гдѣ помѣщался Никонъ, такъ что пришлось поставить стражу. 13 декабря съ утра толпы народа стали собираться въ Кремлѣ. Всѣмъ хотѣлось въ послѣдній разъ посмотрѣть на бывшаго патріарха и получить отъ него благословеніе. Власти боялись, чтобы не произошло безпорядка, а потому употребили хитрость: было объявлено, что Никона повезутъ по Срѣтенкѣ. Когда народъ отхлынулъ къ Китай-городу, Ни-

копа незамѣтно вывезли изъ дома и увезли другой дорогой.

Бывшаго патріарха сопровождалъ конвой въ 200 стрѣльцовъ. Народъ узналъ Никона, и по дорогѣ многіе подходили къ нему подъ благословеніе.

На одномъ изъ поворотовъ улицъ къ санямъ подошла какая-то вдова и поднесла Никону 20 рублей денегъ и теплую одежду. Никонъ, только что гордо отказавшійся отъ царскаго подарка, смиренно принялъ подношеніе и благословилъ вдову.

21 декабря Никонъ былъ уже въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ.

Смерть Никона.

Тяжело было жить Никону въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ. Его натура жаждала широкой общественной дѣятельности, для которой у него было еще достаточно энергіи. Въ стѣнахъ монастыря ему было тѣсно и душно. Онъ былъ совсѣмъ не созданъ для тихой отшельнической жизни.

Волновало старца и двойственное отношеніе къ нему Алексѣя Михайловича: царь то посылалъ изъ Москвы къ Никону Стрѣшнева и другихъ бояръ съ подарками, съ изъявленіемъ царской милости и вниманія, то подъ вліяніемъ доносовъ и бояръ приказывалъ болѣе строго смотрѣть за Никономъ и не давать ему воли. Никонъ долго молчалъ, но, наконецъ, ослабъ и сталъ просить царя о разрѣшеніи ему вернуться въ

свой любимый Новый Іерусалимъ. Но противъ возвращенія Никона сильно возставалъ новый патріархъ, выбранный соборомъ Іосафъ и просьба Никона была оставлена безъ послѣдствій.

Такъ прошло много времени. Въ 1676 году умеръ Алексѣй Михайловичъ и на престолъ вступилъ Ѳедоръ Алексѣевичъ. Гоненія на раскольниковъ усилились, и главный ихъ вождь протопопъ Аввакумъ, заключенный въ Пустозерскій монастырь, въ 1681 году съ товарищами былъ сожженъ. Умирая, протопопъ остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ.

Пришла очередь помирать и за Никономъ... Въ началѣ августа 1681 года архимандритъ Кириллло-Бѣлоозерскаго монастыря сообщилъ въ Москву, что Никонъ сильно боленъ и принялъ схиму. Благожелатели старца стали хлопотать, чтобы хотя передъ смертью дали возможность Никону возвратиться изъ ссылки. Въ особенности хлопотала тетка царя, Татьяна Михайловна. Не смотря на упорное несогласіе патріарха, который еще все злобствовалъ на старца, царь разрѣшилъ Никону возвратиться въ Воскресенскій монастырь и даже послалъ за нимъ посольство во главѣ съ Чепелевымъ. Разрѣшеніе запоздало. Въ первой половинѣ августа посольство прибыло въ Ѳеропонтовъ монастырь, но Никонъ уже лежалъ въ постели и не владѣлъ ногами. Никонъ былъ радъ возвращенію и не смотря на слабость рѣшилъ ѣхать. Ѣхать пришлось по

рѣкѣ. Постель была поставлена на большо. срубъ, около Никона сѣли два архимандрит. о. Никита и Сергій, и процессія поплыла по рѣкѣ Провожать Никона собралось множество народа Никонъ всѣхъ благословлялъ. Къ вечеру срубъ доплылъ до рѣки Которости, впадающей въ Волгу и вошелъ въ ея устье. Множество народа собралось встрѣтить бывшаго патріарха. Было мелко и срубъ не могъ подойти къ берегу. Тогда толпа вынесла его на берегъ на рукахъ. Никонъ совершенно ослабъ и лежалъ безъ движенія. Толпа кругомъ стояла въ глубокомъ молчаніи, многіе плакали.

Въ это время изъ Ярославля донесся благовѣстъ: звонили къ вечернѣ. Мѣрные удары колокола далеко разносились по окрестностямъ. Солнце весело играло на листочкахъ деревьевъ, переливалось въ водѣ. Окружавшіе стали креститься. При звукахъ колокола Никонъ какъ бы пришелъ въ себя. Его блѣдныя губы улыбнулись, въ глазахъ мелькнуло что-то радостное. Онъ сталъ даже оправлять руками волосы, какъ бы стараясь привести себя въ порядокъ. Потомъ сложилъ на груди руки, глубоко вздохнулъ и затихъ...

Среди тишины наступившаго вечера раздались слова молитвы: архимандритъ Никита читалъ отходную... Всѣ встали на колѣни и молились.

Не стало „патріарха и великаго государя“ Никона...

Книгоиздательство „ДѢЛО“.

Главная контора: **Москва, Остоженка, 2-ой Ильинскій пер., д. 13.** Телефонъ 291-65.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА:

№ 1. Смерть Павла I. С. Горскаго.
№ 2. Легенда о смерти Александра I. П. Бунина
№ 3. Фавориты Екатерины II. А. Савина.
№ 4. Борьба за престолъ (Петръ III и Екатерина II). Д. Соловьева.
№ 5. Казненная королева. (Марія Стюартъ). М. Радищева.
№ 6. Княжна Тараканова. А. Платонова.
№ 7. Графиня Дю-Барри (Любовница короля Людовика XV). Е. Оларт.
№ 8. Мазепа. В. Готвальдъ.
№ 9. Стрѣлецкій бунтъ. П. Семенова.
№ 10. Лжедимитрій. П. Бунина.
№ 11. Савонарола. В. Михайлова.
№ 12. Бироновщина. А. Лебедева.
№ 13. Мальчикъ-Императоръ (Петръ II.) С. Львова.
№ 14. Петръ I и женщины. Е. Оларт.
№ 15. Стенька Разинъ. В. Лебедева.
№ 16. Императоръ-Узникъ (Іоаннъ Антоновичъ). Д. Покровскаго.
№ 17. Салтычиха. (Крѣпостной бытъ.) С. Львова.
№ 18. Жены Іоанна Грознаго. С. Горскаго.
№ 19/19а. Наполеонъ и двѣ императрицы. (двойной выпускъ). К. Вестужева.
№ 20. Тайны Шлиссельбургской крѣпости. Е. Оларт.
№ 21/22. Декабристы. Д. Соловьева.

12 ФЕВ 1948

№ 23. Тайны инквизиціи. А. Лебедева.
№ 24. Цезарь Борджіа. М. Салтыкова.
№ 25. Сынъ Петра Великаго. М. Костомарова.
№ 26. Толстовцы. Е. Баранова.
№ 27. Клеопатра. С. Львова.
№ 28. Монастырскія тюрьмы. Е. Оларть.
№ 29. 1855-ый годъ. (Крымская кампанія). К. Острогорскаго.
№ 30. Хлысты и скопцы. Е. Баранова.
№ 31. Императрица Елисавета. К. Вестужева.
№ 32. Неронъ. П. Мартынова.
№ 33/34. Духоборы. С. Хомякова.
№ 35. Шамиль. (Покореніе Кавказа). Н. Ковалевскаго.
№ 36. Польское возстаніе 1863 г. М. Крашевскаго.
№ 37. Жизнь Христа. Ренана. Переводъ съ французск. Е. Оларть.
№ 38. Мессалина. Е. Синегуба.
№ 39. Великій расколъ. П. Бунина.
№ 40/41. Нигилисты. С. Горскаго.

Цѣна каждаго № 10 коп.

Изданіе выходитъ отъ 8 — 10 выпусковъ въ мѣсяцъ.

Выписывающіе со склада Издательства на сумму не менѣе 1 р. 50 к. за пересылку не платятъ.

20070520 68